

ПИРАНИЯ ПИРАНИЯ

ЗВЕЗДА НА ВОЙНАХ

А БУШКОВ

Александр Александрович Бушков
Пиранья. Звезда на волнах

Серия «Шантарский цикл»

Серия «Пиранья», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118619

Пиранья. Звезда на волнах: ОЛМА Медиа Групп; Москва; 2012

ISBN 978-5-373-03183-7

Аннотация

На берегах Карибского моря под видом авантюриста-кладоискателя, затесался капитан третьего ранга Кирилл Мазур со своими спутниками, не знающими жалости ни к себе, ни к врагу. Им приказано достать лежащий на морском дне сверхсекретный подводный аппарат. Однако неожиданно конфиденциальный поиск прерывается. Жестокие незнакомцы обвиняют Мазура в покушении на честь девушки и шантажируют...

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	18
Глава четвертая	33
Глава пятая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Бушков

Пиранья. Звезда на волнах

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «Пиранья. Звезда на волнах» принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© А. Бушков, 2006

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», издание, 2011

* * *

Делать сложно – просто.

А вот сделать просто – это очень сложно.

Г. С. Шпагин
(оружейник)

На эти прекрасные острова стекался самый разный народ – от безграмотных мужланов до беспутных отпрысков знатных родов. При всем несходстве две вещи объединяли их: они молчали о своем прошлом и громогласно уверяли, что обеспечат себе великолепное будущее. Все до одного, они самозабвенно верили, что Фортуна ослепительно им улыбнется. Что ж, надо признать, с одним из тысячи такое все же иногда случалось...

Д. Вейзенмюллер
«Разыскания о флибустьерских временах»

Часть первая Двоеженец поневоле

Глава первая Несуществующие странники

Ноябрь был как ноябрь, ничего особенного, в общем – жаркое солнце на ярко-синем небосклоне, влажная жара, если конкретнее, градусов двадцать девять по Цельсию, выше нуля, естественно, невероятно буйная и яркая зелень с обеих сторон, прямо-таки вибрировавшая от щебетанья тысяч непуганных горлиц и непонятно чьих пронзительных криков, то ли других птиц, неизвестных по именам, то ли местных, столь же непуганных зверюшек. Одним словом, ноябрь как ноябрь. Такие уж в этих местах которую тысячу лет стали ноябри – зеленые, жаркие, влажные. Правда, по местным экзотическим календарям, точного числа коих никто из плывущих не знал, не было вокруг никакого такого «ноября», европейской выдумки, а имело место нечто звавшееся совершенно иначе и уж никоим образом не связанное ни с зимой, ни с поздней осенью. Здесь вообще не было такого понятия: «зима».

Но они-то, они нагрянули сюда из ноября. О чем, понятно, не собирались ставить в известность кого бы то ни было – как и о самом своем присутствии. Они здесь плыли, неспешно и целеустремленно, но их словно бы и не было на широкой медленной реке с грязно-желтой водой, по которой несло всякий мусор. Такая уж им выпала планида – сплошь и рядом считалось, что там, где они в данный момент есть, их и в помине нет. С юридической точки зрения. Ни документами, ни визами они не озабочивались, наоборот. Такая работа. Быть людьми, которых нет. А если обнаружится, что они есть, это, смотря по обстоятельствам, быть может, и не провал, но прокол серьезнейший...

Надувные «Зодиаки» цвета хаки (надо заметить, излюбленное плавсредство людей специфических профессий) шли на водометных движках, практически не производивших шума. Никто их пока что не засек, ни единого гомо сапиенса не обнаружилось в пределах видимости, и это было хорошо.

Места здешние – глухие и совершенно не заселенные, однако бесхозных местечек на нашей планете практически не осталось, а потому и эта глушь пребывала под четкой юрисдикцией одного из приморских государств. На что, правда, по большому счету было начхать не только тем, кто плыл сейчас вверх по реке на двух «Зодиаках», но и превеликому множеству народа разнообразнейших наций и рас.

Самые разные субъекты шатались тут как при дневном свете, так и под романтическим сиянием звезд – пираты, контрабандисты, браконьеры (а также лица, совмещавшие все три древнейших профессии), нелегальные иммигранты, стремившиеся в более сытые и цивилизованные места, шпионы и контрразведчики, искатели кладов, чокнутые натуралисты, а также представители всевозможнейших «сил сопротивления» и национальных фронтов – от мелкой шпаны, трезво оценивавшей свои силы и потому стремившейся всего лишь сепаратистски оттяпать кусочек территории от какой-нибудь державы, до людей посерьезнее, которые на мелочи не разменивались и претендовали на власть в целой державе.

Естественно, здесь же то и дело появлялись представители закона и порядка, охотившиеся за всеми вышеперечисленными категориями путников, кроме разве что чокнутых натуралистов (у последних, как правило, документы бывали в порядке, ибо что с чокнутых возьмешь?), да вдобавок далекое начальство в приливе служебного рвения выгоняло пограничников на очередное патрулирование, чтобы не портилась отчетность.

Вот и получалось, что места здешние, с одной стороны, на всех картах значились необитаемыми, но в то же время представляли собою этакий оживленный тракт. А это, как легко догадаться, создавало дополнительные трудности для тех, в моторках...

Они плыли, реальные, но несуществующие. Понять, кто они такие, было решительно невозможно. «Зодиак» не примета, их могли использовать под любыми широтами. Камуфляж на них был британский, тропического исполнения. Рация на головной лодке – бельгийского производства по джаповской лицензии. Автоматы – западногерманские «пятьдесят третьи» (и вдобавок парочка «Калашей» китайского производства и американские «Гаранды»). Пулемет опять-таки штатовский, добрый старый М60, которых после драпа янкесов из Вьетнама можно было прикупить задешево в любом портовом городе хоть сотню. Прочая мелочовка, от гранат до фляг, опять-таки была собрана со всего света – и ни единый предмет вооружения и экипировки не имел отношения к родному Отечеству. Полная анонимность, одним словом. Не так уж и плохо для тысяча девятьсот восемьдесят первого года от Рождества Христова, в котором еще не изобрели аппаратуры для чтения мыслей...

Они плыли вверх по реке. Не отрывался от наушников погруженный в нирвану радист, бдительно держал руки на своей бандуре пулеметчик, да и остальные готовы были в любую секунду по приказу командира, а то и по обстоятельствам огрызнуться огнем на триста шестьдесят градусов. Или уйти на полной скорости. Всевозможные нелегалы беспокоили меньше всего – они в любой момент могли получить по рогам так, что мало не покажется, и при этом ни за что не побежали бы жаловаться в полицию.

Гораздо хуже обстояло с теми, кто представлял государство. У погранцов и полицейских патрулей есть идиотская привычка, повстречав таких вот странников, интересоваться документами и наличием виз, что путников решительно не устраивало. Нечего было предъявлять. Да и трудненько было бы объяснить, за каким чертом понесло сюда, совершенно неофициально, советский военно-морской спецназ – в далекую экзотическую страну, где единственным официальным представителем доблестных Вооруженных сил Советского Союза является военный атташе (он же ввиду небольшого штата посольства – атташе воздушный и военно-морской). Даже заикнуться невозможно, кто ты таков есть. А потому, как уже говорилось, ты считаешься совершенно несуществующим. Отсюда проистекает очень и очень многое...

Безнаказанно и многоголосо надрывались пичуги, там и сям перепархивавшие в ярко-зеленой листве, и это было прекрасно – именно такое поведение птиц свидетельствует, что в джунглях по обоим берегам пока что нет засады. Конечно, люди *весьма* опытные могут обустроиться в засаде так, что и самый паршивый паучок не встревожится, но таким умельцам вроде бы неоткуда здесь взяться. Слишком невероятное стечение обстоятельств понадобилось бы, чтобы информация о рейде просочилась к кому-то могучему и умелому...

Бросив беглый взгляд на переднюю лодку, Мазур переменял позу, переложил автомат на левое колено, покосился на своих. Его тройка выглядела, как и следовало ожидать, – напряженно-привычные позы, готовность номер один, бесстрастные физиономии. Дурная экзотика вокруг была не более чем очередной декорацией, а потому никого и не занимала всерьез. Старина Самарин, видывавший виды, тоже выглядел спокойным и собранным.

А вот косоглазый пожилой типчик, определенно малаец, прихваченный с собой по неким высшим соображениям начальства, явно нервничал. Не сиделось ему идилически в лодочке, то ерзал, то вертел головой по сторонам, как будто надеялся усмотреть что-то невероятно интересное.

Мазур, подумав, впери в него суровый взгляд из-под нахмуренных бровей, и малаец на какое-то время унялся. Втянул голову в плечи, замер истуканчиком. Хрен его знает, зачем он понадобился на месте *акции*. Мазур давно уже отучился ломать голову над подобными непонятными деталями. Ему вполне хватало полученного приказа – присматривать за косо-

глазым бдительно, но по шее не бить без особой необходимости, обращаться вежливо. Значит, будем свято выполнять полученный приказ... Благо это самый простой приказ из тех, что имеются касаясь *прогулки*...

До первой лодки было не более десяти метров, и Мазур отчетливо рассмотрел, как радист, моментально встреपнувшись, подал Морскому Змею какой-то условный знак. Что, впрочем, не повлекло за собой никаких действий командира – он попросту принял это к сведению, и все. «Зодиак» двигались дальше по спокойной грязно-желтой воде, оставляя за собой неизбежный кильватерный след.

Кому-то это может и показаться странным. Но Мазур ощущал чуть ли не ленивое, вяловатое спокойствие. Тревожиться и вообще допускать в душу эмоции следовало только в случае, если что-то вдруг пойдет наперекосяк, если, скажем, задание окажется под угрозой, если на горизонте замаячит проигрыш, – вот тогда перед глазами поневоле встанет физиономия далекого начальства, а в ушах зазвучит адмиральский рык и станет ужасно неудобно. А пока... Курортная поездочка, знаете ли...

Он мгновенно подобрался – Морской Змей поднял правую руку, покачал ладонью вправо. Передняя лодка моментально повернула в указанную сторону, к берегу. Мазур обернулся, показал глазами Скомороху: мол, правь следом...

Зелено-глянцевая стена джунглей быстро приближалась, пока не заслонила весь окружающий мир. Волной накатили влажно-чужие запахи, птицы, треща крыльями, разлетелись в стороны. Ухватившись за скользкую ветку, Мазур несколько секунд прислушивался и присматривался, потом подал знак.

Артемов и Папа-Кукареку в единый миг перемахнули на берег, заняли позицию за деревьями, прикрывая высадку десанта. Именно так, а вы как думали? Строго говоря, любая высадка военно-морских сил на берег, независимо от количества означенных сил, является десантной операцией. Особенно в условиях, когда доблестные витязи высаживаются на чужой берег отнюдь не за тем, чтобы утирать носы и раздавать цукерки, а вокруг шляется разнообразнейшая босота, от погранцов до борцов за независимость Восточной Пиндузии от Западной Медузии...

Обошлось. Не случилось на месте высадки никакого комитета по торжественной встрече, готового устроить салют из всех стволов, и, что характерно, на поражение... Один за другим они перемахнули на берег, бесшумно и сноровисто. Клятый малаец, как Мазур пессимистически и предвидел, испортил-таки безукоризненную картину бравой высадки десанта – поскользнулся на осклизлом поваленном дереве и едва не улетел в воду задницей вперед, но не случайно случившийся рядом Лаврик проворно сцапал его за ворот камуфляжки и могучим толчком, без всяких церемоний, зашвырнул в чащобу. Видно было, что Самарин с превеликим удовольствием сопроводил бы это смачным выражением, но им настрого запретили в присутствии малайца изъясняться на языке родных осин, а матерки на любом другом земном наречии не имели той прелести и смака...

Выстроившись в боевой порядок, они двинулись чащобой – под верещанье зверьков и птичьих трели, практически бесшумно. Если не считать слабого звена, опять-таки портившего картину. Малаец, как ни старался идти бесшумно, то и дело спотыкался, запинался, шумел высокими ботинками. Вскоре Мазур твердо уверился, что субъект этот – патентованный горожанин и по пересеченной местности ходить не умеет абсолютно, как ни лезет вон из кожи. Ничего, могли и приказать тащить его на закорках. И тащили бы, как миленькие, куда денешься...

Фигура в камуфляже, с размалеванным темными полосами лицом возникла у них на пути совершенно бесшумно, появившись из-за дерева, как чертик из коробочки, – довольно медленно, впрочем, так, чтобы по ней, по фигуре этой, не пальнули ненароком. Личность

была насквозь знакомая, своя в доску, дослужившаяся уже до прозвища, равно как и до старшего лейтенанта.

Без малейшей заминки – все было обговорено заранее – группа перестроилась в другой порядок. Две тройки так и остались на месте вместе с малайцем, а Морской Змей с Мазуром и Лавриком отошли вслед за Князем метров на двадцать в сторону, так что оставшиеся их уже не слышали и не видели.

– Ну и? – тихонько поинтересовался Морской Змей.

– Они, точно, там, – сказал Князь. – Судно подошло около одиннадцати. Нечто похожее на склад: добыча, горючка... Одним словом, этакая промежуточная хаза. Шестеро на «коробке», двое на берегу.

– И только-то? – хмыкнул Лаврик. – Ну, это семечки... *Наши* там имеется?

– Ага. Хватило времени рассмотреть и опознать, хоть и трудненько этих диких обезьян опознавать, скажу я вам... Они явно настроились на долгую стоянку... Пришвартовали судно по всем правилам, торчат на берегу... Часового все же выставили, одного. Остальные свои мушкеты побросали, под рукой не держат. Очень похоже, чувствуют себя, как у Христа за пазухой. Никаких сюрпризов не ждут. Моя тройка на позициях, всё чин-чинарем...

– Радио?

– Антенна есть. Судя по ней, передатчик маломощный. Для местной, так сказать, связи...

– Ясно, – сказал Морской Змей с некоторой задумчивостью, не продлившейся особенно долго. – Ну, тогда и нет смысла прохлаждаться, коли все ясно... Пошли?

– Только, мужики, я вас умоляю... – сказал Лаврик чуть ли не с мольбою. – Вы мне его не попортите, иначе со всех семь шкур спустят. Начальство на ушах стояло...

– Я знаю, – спокойно ответил Морской Змей.

А больше ничего не было сказано – к чему, если расклад пока что ложился так, как и было задумано, согласно первоначальным расчетам? Все будущие действия – с вариантами и возможными осложнениями – теоретически отрабатывали без малого сутки, в полном соответствии с заветами великого полководца каждый знал свой маневр, каковое знание опять-таки было сто раз проверено каверзными вопросами вразбивку, общим обсуждением, прикидкой на плане местности. Фотографию субъекта, кого единственным следовало взять в плен целехоньким, изучали до рези в глазах, сравнивая с портретами таких же косоглазых, вновь и вновь выслушивая характерные приметы, описание вазомоторики, пластики, вовсе уж мелких отличительных черт вроде манеры держать руки на поясе с кобурой и курить...

Вернувшись к остальным, Морской Змей отдал краткое распоряжение, состоявшее из одного-единственного слова:

– Вперед...

Что, конечно же, было в полном соответствии с инструкциями произнесено по-английски.

Волчьей цепочкой они двинулись по азимуту, пустив вперед разведку. Малайца держали в арьергарде, под присмотром Лаврика. Шли минут двадцать – а потом из-за дерева вновь возникла фигура, но уже другая, ба, какая встреча, доподлинный Винни-Пух, ваше благородие...

Здесь уже не рисковали говорить даже шепотом – сквозь джунгли проглянула та самая река, широкая, медленная и мутная. Скупой обмен отработанными жестами – и три тройки, разделившись, канули в чащобу по трем направлениям. Москиты кружили над головами и спинами, зудя еще почище отечественного гнуса, но засекреченный репеллент отлично действовал, и кровопивцы так и не рискнули отпробовать советского гемоглобина. Вот только для здешних змеюк, из которых ядовитой была каждая вторая, не считая каждой первой,

пока что не придумали надежного пугала даже засекреченные научные умы, и приходилось зорко косить под ноги, чтобы не притоптать ненароком хвост экзотической рептилии.

Одно хорошо: малаец остался под чуткой опекой Лаврика в глубоком тылу, и тройка Мазура, избавившись от этого балласта, вновь обрела призрачную легкость и бесшумность перемещений. Они скользили меж стволов, как духи – а там и увидели цель.

Заливчик был небольшой, но, надо полагать, глубокий, иначе в него не зашло бы небольшое суденышко, стремительными обводами больше всего напоминавшее быстроходный катер, несомненно военный в прошлой жизни. Овальная надстройка, антенна, чистота и порядок на небольшой палубе...

Больше всего внимания Мазур уделил некоему сооружению на баке. Оно никоим образом не походило на стандартные турели для пулемета или малокалиберной «автоматки», но при вдумчивом наблюдении не осталось сомнений: эта штука, изделие неведомых умельцев, для того здесь и присобачена, чтобы при нужде быстренько установить на нее что-нибудь убойно стреляющее. А потом, сняв таковое, при осмотре выдать эту самоделку за что-нибудь вроде рыбацкой лебедки – мало ли на какие ухищрения способны местные ловцы креветок, у коих нет денег на фабричное оборудование? Ну да, если мысленно вообразить там дуру, сразу соображаешь, что ствол легко будет перемещать и в горизонтальной, и в вертикальной плоскости – скоба, ага, и вон те «барашки». Умельцы, бля, кулибины...

Строеньице при всем своем опыте он заметил далеко не сразу – оно было надежно укрыто от глаз маскировочной сеткой отнюдь не кустарной выработки, мастерски *вписанной* в окружающую девственную природу. Стены и крыша из рифленого железа, кропотливо раскрашенного опять-таки в маскировочные цвета. Все продумано. С реки этой халабуды ни за что не усмотришь, да и на суше нужно знать заранее, что именно хочешь разглядеть. В самом деле, удобный промежуточный пункт – чтобы хранить там горючку, запчасти, еще какие-нибудь мелочи, необходимые в рутинной пиратской работе.

Вот именно. Пираты. Именно так они, болезные, и выглядят в наши дни. Никаких живописных одеяний, ярких попугаев, орущих про пиастры, никакого вам классического «Веселого Роджера». На берегу, вольготно развалившись, покуривая и лениво беседуя, расположились семеро субъектов, одетых обыкновенно, буднично, невзрачно. Правда, на поясах у них имеют место быть пистолетные кобуры и ножны со здешними тесаками, малайскими крисами, но и это опять-таки лишено малейшего налета экзотики, даже обидно чуточку...

Папа-Кукареку тронул Мазура за плечо и показал вверх. Мазур, всмотревшись, кивнул. Ага, вот он где. В кроне самого толстого дерева сооружен неприметный помост, и там поместился восьмой. Что ж, грамотно. Со своего насеста часовой видит на пару километров окрест, любое суденышко на реке заметит издали, еще до того, как послышится шум движка...

Так... Вон тот определенно филиппинец. И те двое тоже. Один малаец, один юатак... этот, похоже, синегал, право слово... а вот и тот, коего следует брать целехоньким, пусть даже он, сука такая, станет садить в тебя из танка. Китаец. Китаец, точно. И старший здесь именно он, никаких сомнений, – все их поведение о том свидетельствует. Ишь, как губу оттопырил, этакий Наполеон из Козодрищенска...

Мазур несколькими заранее обговоренными жестами *выделил* главную цель. Ему столь же безмолвно ответили, что поняли на все сто. Тишина стояла одуряющая, палило солнце, те, на берегу, ни о чем не подозревали...

Пора было работать.

Глава вторая

Подавай хапаное!

Папа-Кукареку, бесшумно перевернувшись на спину, вытянул руки, держа обеими револьвер с глушителем, секунды через две, мысленно внеся последние поправки, аккуратно потянул спуск. Негромко щелкнуло, словно сломали сухую ветку, и наверху раздался отчаянный треск уже настоящих веток, – это часовой полетел с помоста, как куль, не издав ни малейшего звука, поскольку был уже к этому решительно не способен по причине скоропостижной кончины.

Те, на берегу, даже не успели вскинуться: прежде чем смогли осознать происходящее и отреагировать, из джунглей сухо захлопали одиночные выстрелы, почти слившиеся в единый хлопок, словно резко и коротко провели палкой по забору.

Черт его знает, что там творилось в голове у китайца, внезапно обнаружившего себя единственным живым среди мертвецов. Пожалуй, мысли его не были особенно уж веселыми и оптимистичными. Его дальнейшие действия моментально обнаружили уже самый неприкрытый злобный пессимизм по отношению к окружающему миру – он рухнул ничком в жесткую буйную мураву, ухитрившись в падении выхватить из кобуры свою никелированную кольтяру, пошевелил стволом по сторонам.

И никаких подходящих целей, разумеется, не усмотрел. Лишь стена джунглей и многозначительная тишина...

Возле накрытого маскировочной сетью строеньица так и не случилось ни малейшего шевеления – значит, на складе никого не было, а если бы кто-то и был, тройка Князя решила бы эту проблему на счет «один». Зато из кокпита катера ошалевшим мартовским котом вылетел на палубу субъект с автоматической винтовкой наперевес. И тут же получил свое. Щелкнул одиночный выстрел, винтовка полетела на палубу, а ее покойный обладатель головой вперед вывалился за борт. Шумный всплеск – и вновь тишина.

Китаец ползком переместился метров на пять вправо, в сторону склада. Судя по ориентировке, волчара был битый и успел, должно быть, за пару минут сделать нехитрые умозаключения: уж если нападавшие оставили его в живых, одного-единственного, то явно намереваются брать живым...

Ага! Он все-таки пальнул в джунгли – разок, больше не стал. И отполз в том же направлении.

Непонятно было, на что он надеется. Возможно, он и не питал никаких надежд, просто не хотел в такой вот ситуации лежать, как рождественская индейка на блюде. Однако с неопределенностью пора было кончать, и раздался двойной свист Морского Змея.

Джунгли ожили. Короткие очереди из десятка стволов взметнули траву и землю, замкнув китайца в кольцо, а для придания ситуации пикантности из джунглей вылетела граната с невыдернутой чекой, шлепнулась сантиметрах в пятнадцати от черноволосой, коротко остриженной, редющей шевелюры. И тут же послышался громкий, уверенный голос Морского Змея:

– Встать! Оружие бросить! Руки вверх! Следующая граната обязательно взорвется...

Прошло не менее минуты, прежде чем китаец, все основательно прокачав, понял, что шанса у него нет ни единого. Медленно-медленно он отлепился от земли, выпрямился и, отбросив пистолет, поднял руки. Три человека кинулись к нему с трех сторон, держа под прицелом, сближаясь так, чтобы не зацепить друг друга, если придется стрелять. Лаврик первым достиг добычи, двумя точными ударами сшиб с ног, нацепил на скрученные за спиной запястья заботливо приготовленные наручники и, не теряя времени, поволок в сторону маскировочной сети, где уже стоял Князь со своей тройкой.

На Князя и оставили все хозяйство. Морской Змей с Мазуром вошли вслед за Лавриком и его добычей в распахнутую дверь склада, увлекая за собой малайца, – Лаврика при допросе полагалось подстраховывать, а о сути задания знали только они двое, командир группы и заместитель. Ну и Лаврик, конечно. Что конкретно знал малаец, не стоило гадать – они просто выполняли приказ...

Обширное помещение, где могло бы поместиться немало несправедливо нажитой добычи, пустовало – только в уголке двумя аккуратными рядками выстроились канистры с дизельным топливом. Дощатый пол был безукоризненно чист и даже, кажется, вымыт, словно это был не пиратский схрон, а кабинет президента республики.

Не теряя времени, Лаврик толкнул пленного в угол, заставил присесть на корточки, а сам, придвинув кубическую канистру, уселся гораздо более комфортабельно. Подумав, Морской Змей с Мазуром устроились точно так же. Что до малайца, он остался стоять рядом с Лавриком. Шея у него вмиг оказалась в крупных каплях пота – китаец именно на нем сфокусировал злующий, многообещающий взгляд.

– Ну что, господин Ма? – непринужденно сказал Лаврик. – Поговорим? Я слышал, вы человек умный, опытный, а значит, адвоката требовать не будете и возмущаться нашим поведением вслух не станете... А? Я думаю, и грозить нам всеми мыслимыми карами не станете?

– А почему бы и нет? – глядя исподлобья, бросил Ма на довольно хорошем английском.

– Почему? – поднял бровь Лаврик. – Потому что мы не конкуренты, а представители государства. Понятно, господин Ма? *Нас* не достать. Мы, простите за хвастовство, вне сферы мести. Что наше положение делает выгодным, а вот ваше... Печальным, я бы сказал. И времени у нас мало, поэтому давайте говорить строго по существу.

– Давайте. Что вам нужно?

– Парашют и капсула, – моментально ответил Лаврик. – Точнее, в первую очередь капсула. Парашют нас не особенно интересует.

Какое-то время Ма разглядывал их вовсе уж сузившимися глазами. Потом усмехнулся:

– Ага... Сулянжень тунчжи?¹

– Интересно, с чего вы взяли? – безмятежно спросил Лаврик.

– У вас характерное снаряжение, – сказал Ма. – Все, что ни возьми, западного производства. Янки или западноевропейцы как раз поступили бы наоборот, постарались прихватить побольше советских вещей. Это логично?

– Это очень логично, – сказал Лаврик. – Одно удовольствие с вами беседовать, господин Ма, умный вы человек... Вот только на вашем месте я не особенно полагался бы на былую советско-китайскую дружбу, от которой и головешек не осталось...

– Я на нее вообще не полагаюсь, – хмыкнул Ма. – Я из Тайбэя, меня эта дружба обошла стороной, сами понимаете...

– Но это же прекрасно, – сказал Лаврик. – Все было бы гораздо труднее, окажись на вашем месте упертый континентальный житель, воспитанный на красных книжечках великого кормчего. Мы бы долго резали его по кусочкам, а он нестигаемо пел бы «Алеет восток»... С вами проще, а? Вы, господин Ма, не идейный, правильно? Вы всего лишь делаете свой, пусть противозаконный, но все же бизнес, у вас, несомненно, где-то есть хороший счет в банке, и не один, я думаю, у вас где-то непременно есть приличный дом и прочие материальные блага, вам есть что терять вместе с жизнью, зато нет идей, которые в некоторых случаях откровенно мешают... Есть надежда, что мы договоримся.

– А вам известно, как у нас поступают не только с изменниками, но и с болтунами? – спокойно спросил Ма.

¹ Советский товарищ (*кит.*). – (Здесь и далее примеч. авт.)

– Наслышаны, – ответил Лаврик. – Ну, а что делать? По крайней мере, у вас есть некое подобие выбора. Мадам может и не узнать о вашей, гм, словоохотливости, и вы останетесь живы, зато мы-то, мы вас непременно начнем превращать в лапшу по-кантонски, если не найдем общего языка. Я надеюсь, вы не подозреваете нас в излишнем гуманизме? Нет? И правильно делаете. Ну какой может быть гуманизм у диверсантов на государственной службе? Милейший господин Ма, нас послало *государство*. И мы не имеем права возвратиться без результата. Отсюда автоматически проистекает полнейшая к вам беспощадность, полнейшее пренебрежение вашей драгоценной жизнью и здоровьем...

– Господа, – сказал китаец почти спокойно. – А почему вы решили, будто я что-то знаю о вашей капсуле?

Лаврик, не глядя, протянул назад руку, ловко подцепил малайца согнутым пальцем за карман камуфляжной куртки, подтянул поближе и мягко посоветовал:

– Аланг, дружище, расскажите господину Ма, что вы об этом знаете, и подробнее...

С первого взгляда было видно, что малаец чувствует себя меж молотом и наковальней. Глаза у него так и бегали. Однако он прожил на этом свете достаточно, чтобы понимать, когда следует выбирать меньшее из двух зол. Он заговорил, почти не промедлив:

– Мне очень неловко, господин Ма, но ничего тут не поделаешь... Своя рубашка ближе к телу... Я просто не вижу для себя другого выхода, войдите в мое положение...

– Короче, – распорядился Лаврик.

Малаец вздохнул:

– Господин Ма, когда мы с Чоном сидели в «Веселом драконе», он рассказал, что вы и господин Лао возле Батара наткнулись на эту штуку под парашютом... И взяли ее на борт, увезли с собой... Чон мне подробно описал, как она выглядит, какой формы и цвета... Эти господа меня внимательно выслушали и сказали, что я не вру, что Чон ее правильно описывал... Значит, вы ее и в самом деле забрали... И не смотрите вы на меня так, я вас душевно умоляю, господин Ма, я и сам знаю, как мадам карает болтунов, но эти парни гораздо ближе. По крайней мере, у нас есть шанс...

– Люблю оптимистов, – проворчал Ма. – Аланг, беда твоя в том, что ты не только в го не умел играть хорошо, но и с европейскими шахматами не мог справиться. Отсюда следует...

– Господа, – почти мягко прервал Лаврик. – Быть может, отложите ваши дискуссии на более подходящее время? Нам следует торопиться. Эта живописная картина там, снаружи, – он небрежно мотнул головой в сторону двери, – компрометирует в равной степени и вас, и нас, милейший господин Ма. Кого бы сюда ни занесло, полицию или ваших друзей, у нас будут сложности, но и вас, господин Ма, они обязательно затронут... Резюмируем. Не я проверял слова присутствующего здесь господина Аланга. Но тем, кто их проверял, я полностью доверяю. Если господин Аланг уверяет, что именно вы с неизвестным мне пока лично господином Лао взяли на борт капсулу, значит, так оно и есть. Следовательно, дискуссиям и версиям нет места. Вопрос стоит во всей своей суровой наготе: будете вы с нами сотрудничать или нам *приступить*? Времени на раздумье я вам давать не буду, мы не в кинофильме. Вы человек взрослый, опытный, сами должны все понимать... Ну?

– С *вами* я ничего обсуждать не буду, – почти без паузы сказал Ма. Я вам не Аланг, – он с величайшим презрением покосился на съездившегося малайца. – Это он не понимает своего положения... Вы – не главный. Там, откуда вы пришли, несомненно есть настоящий главный, вот с ним я буду говорить. Вы правы, у меня небогатый выбор... Но я и в самом деле кое-что повидал. Как только я все расскажу, я перестану быть вам нужным. И там, на берегу, прибавится еще один труп...

Лаврик безмятежно спросил:

– А что, вы так уверены, будто вас непременно оставят в живых там, откуда мы пришли?

– Совсем не уверен, – моментально ответил Ма. – Но *там* у меня будет шанс, пусть ничтожный. Здесь же у меня шансов нет вообще. Я не ребенок, уважаемые советские товарищи. И я намерен держаться за свой шанс до последнего. Понятно вам? Я буду говорить только с главным. Можете, конечно, пытаться меня прямо здесь, но я вас честно предупреждаю: постараюсь продержаться, насколько удастся. А у вас ведь мало времени... – Он осклабился почти что весело. – Теперь за вами выбор, а?

– Пожалуй, – столь же спокойно отозвался Лаврик. – Вы только не стройте иллюзий, будто от нас можно сбежать по дороге...

– О, что вы... – вежливо раскланялся китаец. – Я уже имел печальное удовольствие ознакомиться с вашим стилем работы... Я всего лишь держусь за свой единственный шанс.

Мазур поневоле чувствовал к нему некоторое уважение – словно охотник, преследующий не какую-нибудь тупую антилопу, а умного и опасного леопарда. Сволочь, пират, бандюга – но даже в столь нелегком положении грамотно использует шанс... Это вам не Аланг, так ничего и не сообразивший...

– Ну хорошо, – сказал Лаврик, для приличия прикинувшись, будто раздумывал какое-то время, еще раз все взвешивал. – Ведите нашего гостя...

Повинуясь его недвусмысленному жесту, Морской Змей с Мазуром подхватили китайца под локотки и поволокли к выходу. Они не оборачивались, будучи заранее предупрежденными о том, что сейчас должно было произойти на складе.

Произошло, как и следовало догадаться, бесшумно. Вслед за ними на свежий воздух вышел один Лаврик – а незадачливый Аланг, мелкая пиратская шестерка, остался внутри. Должно быть, он так и не сообразил, что стал совершенно не нужен никому на этом свете, а в таких случаях...

Короткий условный свист был для него полнейшей неожиданностью, но он не растерялся ни на миг – рухнул, откатился за ближайшее дерево, еще в прыжке подбив ногами китайца, увлекая за собой. Повалив пленного в траву, держал в непосредственной близости от его глотки лезвие боевого ножа.

Морской Змей и Лаврик затаились чуть поодаль. Остальных тоже не было видно. У берега по-прежнему стоял пустой катер, трупы лежали в тех же позах...

А на реке, в полукабельтове от берега, маячил сторожевик.

Точнее, МСКР, малый сторожевой корабль типа «Комар» советского производства, надо полагать, один из тех, которые в свое время Никитка бесплатно презентовал лидеру ближайшей к месту действия островной державы, по всегдашней глупости своей поверив, что если означенный лидер словесно высказывает симпатии к марксизму-ленинизму, то и в самом деле не сегодня-завтра начнет строить у себя заправдашний социализм. Лидер, змея подколотная, не только не стал строить социализм, но, наоборот, вскоре отдался американцам душой и телом, предварительно перерезав в одночасье собственных коммунистов. Однако отобрать дареное было бы затруднительно, и эти надежные кораблики, давным-давно снятые в Союзе с вооружения, продолжали бороздить здешние экзотические воды...

Сторожевик застопорил прямо напротив катера. По воде долетел скрип – это открытая башенка с пулеметной спаркой развернулась так, что дула уставились на берег. Мазур отчетливо видел на мостике фигуру в огромной белой фуражке, вдруг превратившуюся в пучеглазое чудовище, – капитан поднес к глазам мощный бинокль и принялся со всем усердием обозревать заросли.

Он мог бы пялиться на берег до скончания века – не такие тут залегли ребята, чтобы их мог высмотреть, пусть и в мощную оптику, хилый экзотический пограничник. И все равно Мазур испытал весьма неприятное чувство, как частенько в таких случаях бывает: на миг показалось, что он стоит один-одинешенек в чистом поле, и видно его насквозь...

Он покосился влево. Господин Ма смирнехонько лежал там, где положили, – разумеется, не в его интересах было громогласно взывать о помощи к служителям закона. Да и кто бы ему дал открыть рот?

Минуты ползли, тянулись, как резиновые...

Спарка вдруг загрохотала со всем усердием, расточительно и бессмысленно поливая джунгли свинцом. Мазур прижался к земле, жесткая трава впилась в щеку... Высоко над головой трещало и хрустело, на спину сыпалась всякая дрянь. Птичий гомон стих мгновенно. Пули звонко шлепали по стволам, перебитые ветки сыпались уже настоящим ливнем...

Взревел мотор на полных оборотах, и Мазур, осторожненько подняв голову, увидел, как сторожевик стремительно уходит. Пограниц, должно быть, служил не первый год и прекрасно оценил ситуацию: высаживать людей на берег было бы полным идиотством. В джунглях мог залечь целый батальон, но этого не обнаружишь, пока не сойдешься с противником нос к носу, – а вот кораблик представляет собою идеальную мишень...

Не исключено, что капитан собирался, вернувшись на базу, подать рапорт о героическом боестолкновении с неизвестными, но безусловно асоциальными элементами, а то и приписать себе всех имеющихся на берегу покойничков. Приписки и ложные отчеты о несуществующих достижениях пышным цветом распускаются под любыми широтами, чего уж там...

Прошло еще минут пять, прежде чем Морской Змей подал сигнал сбора. Никто, разумеется, не пострадал от канонады, так что поводов для печали пока что не имелось, наоборот: они пока что не добились поставленной цели, но продвинулись вперед еще на шаг. Господин Ма, сущее олицетворение унылого смирения, был, что ни говори, определенным достижением в игре, отнюдь не пешкой...

Подрывной патрон сработал в назначенный момент. Внутри катера глухо грохнуло, в кокпит выполз клуб грязно-серого дыма, и пиратское суденышко стало быстро погружаться кормой. А двери склада так и остались распахнуты настежь. Перед уходом «морские дьяволы» опустошили его совершенно – вынесли все канистры с горючкой и утопили их метрах в двухстах выше по реке. Если сюда вернуться ревностные служители закона – а они определенно вернуться, – то представшая их взору картина моментально натолкнет на вполне убедительную версию: некие преступные элементы врасплох застигли пиратов-конкурентов, положили их из засады, после чего уволокли все, что было на складе, выметя его под метелку. Очень даже убедительная и мотивированная версия, все на нее работает, до мельчайших деталей...

До замаскированных «Зодиаков» они добрались без всяких приключений – не считать же приключением шмыгающих под ногами ядовитых змей и облака москитов?

Опеку над пленным поручили Мазуру с его тройкой. Господин Ма сидел все так же смирнехонько, словно в соответствии с буддийскими догмами собирался достичь нирваны, но за ним все равно бдительно наблюдали. Азиатская психология – темный лес, если откровенно. Даже для засекреченных спецов, не зря жующих свой хлеб. Пленный пират мог по неисповедимым движениям души вдруг совершить самоубийство, бултыхнуться за борт и камешком пойти ко дну – вдруг он решит, что именно так следует поступить, потерявши лицо? Восток, как справедливо подмечено товарищем Суховым, дело тонкое...

«И зачем мне эти тонкости? – с вялой, усталой тоской подумал Мазур. – И зачем мне эта экзотика? Толку-то от нее – жара, духота, а любоваться диковинными растениями и животными все равно некогда...»

Жизнь и служба давно уже вытравили из души лишнюю романтику, что, в общем, всегда идет человеку только на пользу и делает из него хорошего профессионала. Романтики, как правило, – профессионалы хреновые. Пока не свыкнутся с нехитрой мыслью: любая

окружающая экзотика – не более чем декорация, которую следует учитывать в работе, и только...

Если пойти дальше и, пользуясь краткой передышкой, предаться философическим размышлениям, начинает казаться, что к ненужной романтике вполне можно отнести и излишние знания. Сказал же, по слухам, кто-то из библейских персонажей, что от большого знания проистекают большие печали. Что-то в этом роде.

Он испытывал к своим подчиненным откровенную зависть. *Сути* они не знали. Представления не имели, какую цель операция преследует. А вот Морскому Змею и его заместителю Мазуру пришлось не в пример тяжелее. Кто-то там, наверху, решил, что оба они непременно обязаны знать, ради чего все затеяно. Чтобы в полной мере осознали лежащую на них ответственность, не расхолаживались и не расслаблялись. Что ж, тактика достаточно эффективная, признаться...

Так уж повелось исстари, что человечество, прах его побери, чуть ли не все им придуманное добросовестно пытается приспособить для войны и шпионажа. Космос, как давно уже известно, не исключение. Вместе со спутниками, служащими исключительно благородным целям чистой науки, вокруг нашей голубой планеты кружит и масса других, чьи цели далеко не так благородны. Спутники-шпионы, проще говоря. Нравится это кому-то или нет, но ничего тут не поделаешь.

А техника, между прочим, иногда сбоит и выкидывает фортели...

Секретный отечественный спутник, благолепия ради зашифрованный как один из многочисленных «Космосов» с четырехзначной уже нумерацией, первую часть программы выполнил блестяще, прилежно зафиксировав на длиннющую фотопленку китайские ядерные полигоны в районе озера Лобнор, – а вот далее произошел конфуз. Коррекционный двигатель то ли отключился слишком рано, то ли проработал чуточку дольше, чем следовало (в *такие* тонкости господ «морских дьяволов» не посвятили, чему они были только рады), спускаемая капсула с бесценными снимками, вместо того чтобы приводниться в заданном квадрате, где ее уже поджидала целая эскадра, пошла по непредсказуемой траектории. И вместо окрестностей северного Сахалина ухнула в эти самые места, в теплое экзотическое море, где ее никто не ждал, но слишком многие, обнаружив, с удовольствием бы присвоили.

Что, собственно, и произошло в самом скором времени. И вновь Морскому Змею с Мазуром не сочли нужным сообщать кое-какие детали – но оба прослужили достаточно, чтобы просечь ситуацию. Ежу понятно, что разведка была поставлена на уши – и, работая в авральном темпе, очень быстро установила по каким-то своим неведомым каналам: небесный подарочек, наткнувшись на него где-то в безлюдном месте, моментально прикарманили орелики широко известной в узких кругах полулегендарной королевы пиратов мадам Фанг, героини боевиков в мягкой обложке, а также гораздо более серьезного жанра литературы – разведсводок.

Посвященных королеве пиратов дешевых романчиков господам офицерам, слава богу, навязывать не стали, а вот тем самым гораздо более серьезным жанром снабдили в избытке. Чтобы прониклись и осознали в полной мере, с кем предстоит хлестаться.

Следовало признать, что противник был серьезный. Бывшая танцовщица из дешевого кабачка где-то в Гонконге, удачно выскочившая замуж за процветавшего «джентльмена удачи», после безвременной кончины муженька от передозировки свинца в организме еще в конце сороковых взяла прибыльный бизнес в свои белые ручки и с неженской силой воли сумела не только удержать семейное предприятие на плаву, но и вывести его к новым высотам. Некоронованная королева пиратов Южных морей располагала нехилой флотилией сотни в полторы быстроходных судов (даже торпедные катера имелись, хотя и устаревшие), оборотные капиталы «фирмы» достигали сотни миллионов долларов, сетью тайных убежищ, отлично замаскированных как с воды, так и с воздуха, многочисленной агентурой в

десятках портов. Дело не ограничивалось вульгарным грабежом судов – по точным данным, даже крупные пароходные компании в этих местах покладисто выплачивали мадам Фанг приличные «ежегодные взносы», поскольку с кораблями тех, кто платить не хотел, с завидным постоянством происходили всевозможные неприятности, а порой они и вовсе исчезали бесследно.

Вдовушку, разумеется, старательно искали и ловили секретные службы всех заинтересованных государств – японцы, голландцы, португальцы (еще в те времена, когда последние владели тут колониями), во времена корейской войны, когда мадам Фанг, вконец обнаглел, начала грабить американские грузовозы, к делу подключились разобиженные янки. Вот только результатами никто не мог похвастать. Против государственных служб вдова выставила свои козыри – круговую поруку, жесточайшие кары за предательство и простую болтовню, а также всевозможные технические новинки и деньги, какими располагала не всякая спецслужба. Так что события давно уже шли своим чередом – вдову старательно пытались выловить или без излишнего джентльменства изничтожить, но пиратская королева до сих пор избегала ловушек (теряя, конечно, время от времени то суденышко, то горсточку людей), и у заинтересованных лиц не было даже ее мало-мальски сносных фотографий...

Одним словом, сила мадам еще и в том, что ее просто-таки невозможно разгромить в открытом бою, поскольку речь идет не о военном флоте или вооруженных силах, а о чем-то подобном партизанским отрядам (прости, господи, за такое сравнение!), действующих даже не в горах или джунглях – в необозримом море с тысячами островов, большая часть которых необитаемы. В местах, где прибрежные жители исстари приучены держать язык за зубами, не братья сотрудничать с властями и знать ровно столько, сколько необходимо для спокойной жизни. В местах, где можно ограбить корабль в территориальных водах одного государства и через пару часов оказаться в пределах юрисдикции другого, а то и третьего, что затрудняет до предела действия любой полиции. В местах, где жизнь сплошь и рядом по-первобытному примитивна, и прав тот, у кого автомат многозаряднее...

Их не посвящали в *лишние* сложности, но кое-что Мазур мог просчитать и сам с учетом жизненного опыта. Во-первых, спускаемые капсулы шпионских спутников – вещь заметная, их падение, особенно такое вот незапланированное, старательно прослеживается всеми, кто имеет к тому должные технические возможности. А значит, на охоту уже наверняка вышли все заинтересованные стороны. Гораздо проще захватить плоды чужих трудов, нежели напрягать свою космическую технику, сложную и дорогостоящую. Не говоря уже о том, что хозяева сфотографированных полигонов озаботятся в первую очередь. Во-вторых, ситуация с самого начала обрастает многочисленными неизвестными, теми, что в задачах обозначаются иксами, игреками и прочими символами. Знают ли молодчики мадам Фанг, что *именно* оказалось у них в руках, или просто позарились на невиданную штуку, как сороки на блестящую безделушку? Если нет, то они могут выбросить капсулу к чертовой матери, как только убедятся в ее полной бесполезности, – но и в этом случае группе предстоит достать выброшенное хотя бы со дна морского. Задача поставлена ясно и недвусмысленно – без фото пленки хоть домой не возвращайтесь...

А если знают, если разобрались? Что тогда? Наверняка будут искать щедрого покупателя на нечаянный ценный товар, который им самим совершенно ни к чему. Это, в свою очередь, влечет новые сложности. Искать, конечно, будет разведка, но вот *добывать*, ежели что, придется опять-таки им...

Мазур вздохнул про себя, покосился на вверенного его попечению дражайшего господина Ма. Вот он, самый настоящий пират, можно сказать, классический, – но нет в нем ни капли романтики. Лысеющий субъект самого что ни на есть затрапезного вида, в простецких джинсах и рубашке цвета хаки, обыденный, как кирпич. Чуть-чуть обидно даже, что все так буднично... стоп, стоп! Нет уж, сказано было: никакой романтики.

Буйная зелень осталась позади – «Зодиаки» наконец-то вырвались в открытое море, где их сразу стало подбрасывать и швырять на невысокой волне. Столь же безмятежно сияло солнце, синяя гладь сверкала мириадами искорок, ветер ударил в лицо. Лодки целеустремленно неслись прочь от устья, за пределы двенадцатимильной зоны, где в нейтральных водах ждал «Нептун», старательно притворяясь, будто лег в дрейф по бытовой надобности.

Что они там, на обеспечивающем судне, придумали, Мазур не знал, но вскоре показался дымок, превратившийся затем в черное пятнышко, а оно, в свою очередь, – в серую полоску. Полоска росла на глазах. Серый борт с синей каймой. Панамский флаг – удобнейшая штука для того, кто понимает. Ага, вон оно что...

Капитан «Нептуна» вывесил два сигнальных флага, «Униформ» и «Янки», согласно международному своду сигналов означавшие: «Я провожу учения. Держитесь в стороне от меня».

Почти что гениально. Нет нужды растолковывать, какие именно учения, зато всякий дисциплинированно будет держаться в стороне, пройдет мимо без лишних вопросов.

С левого борта уже вывесили штормтрап, и на душе стало чуточку легче – они ведь, собственно говоря, в каком-то смысле вернулись домой. И без потерь, что характерно.

Глава третья

Старпом, продажная шкура...

Сигара – признак некоторого аристократизма или, по крайней мере, претензии на таковую. А посему Мазур, он же господин Якобс, новоявленный старший помощник и по совместительству суперкарго², получивший повышение по случаю неожиданной болезни прежнего старпома, стоя у перил, старательно попыхивал толстой коричневой сигарой, с ленивой бдительностью наблюдая, как суеются бронзовокожие грузчики, как аккуратно обвязанные штабеля белых коробок под скрип талей плывут на поддонах и опускаются в трюм.

Разумеется, сам он не просил ни о повышении, ни о легализации, ему и в прежней роли рядового матросика было уютно. Однако от него в данном случае снова ничего не зависело. Ему попросту приказали – и точка. Объявили, что отныне он господин Якобс, суперкарго и старпом. Битых четыре часа он провел в управлении порта, таскаясь с бумагами по этажам и кабинетам, на собственной шкуре постигая нехитрую истину: иные критики, склонные ругать отечественную бюрократию, попросту в жизни не сталкивались с ее аналогами, процветающими под экзотическими широтами. Все то же самое, только хуже. Особенно если представления не имеешь, как давать взятки здесь, чтобы прошло непринужденно и естественно. Инструктаж, конечно, вещь хорошая, полезная, но он не в состоянии подготовить ко всем национальным тонкостям...

Ну, справился в конце концов. Разжился должным количеством печатей, штампов и подписей. И партия японских цветных телевизоров начала нехитрое путешествие из грузовиков в трюм. По крайней мере, в документах эти коробки значились как цветные телевизоры, а на деле – черт их знает...

Возможно, эта партия груза – такой же оборотень, как сам «Нептун». Ничем не примечательное судно средней грузоподъемности, обычная «коробка» на первый взгляд, но обладающая чересчур мощными для такой лоханки машинами и системой идеально замаскированных тайников как для людей, так и для их снаряжения, и капитаном этакого среднестатистического европейского облика, решительно непонятной национальной принадлежности по имени Адам и по фамилии Барт (каковые анкетные данные опять-таки не позволяют строить хотя бы приблизительные догадки о родине и подданстве «первого после Бога»).

В такой игре все возможно. Капитан мог оказаться натуральным импортным мореходом, прочно сидящим на некоем неизвлекаемом *крючке*, и с тем же успехом быть кадровым офицером советского военно-морского флота. «Морские дьяволы» были достаточно взрослыми и натасканными в сложностях жизни ребятами, чтобы не задавать глупых вопросов. Достаточно было знать: на борту данного плавсредства они могут чувствовать себя в полной безопасности – при условии, что никому не станут навязывать свое общество и уж, безусловно, воздержатся от каких бы то ни было вопросов.

Так оно все и проистекало: команда молча оказывала все возможное содействие, открывая рот только при крайней необходимости. А в остальное время проходили морячки мимо пассажиров, как мимо пустого места, ничем не показывая, что вообще их видят. Пассажиры держались аналогично.

Сейчас, конечно, все обстояло чуточку иначе: к господину старшему помощнику время от времени подгребали с мелкими бытовыми проблемками то боцман, то старший палубной команды, и Мазур эти проблемки решал в меру компетенции и разума. Надо сказать,

² Суперкарго – судовой офицер, ведающий грузами.

что в глубине души он чувствовал себя неуютно, выставленный на палубе на всеобщее обозрение, – весь из себя в белом, в морской фуражке с непонятным гербом. Якорек на гербе был так себе, дохленький, да и венок золоченых листьев неизвестного дерева не блистал густотой и внушительностью, но должен же как-то отличаться судовой офицер от рядовой матросни, даже на панамском корабле? Точнее, на корабле под панамским флагом, – а сие, как известно, не более чем удобная вывеска, своего рода галстук, без которого не пускают в приличные рестораны...

– Руководишь? – сказал бесшумно подошедший Лаврик.

Конечно же, по-английски спросил, как требовала строжайшая инструкция.

– Работаю помаленьку, – сказал Мазур на том же туземном наречии. – Интересно, долго мне еще дурака валять?

– Вы меня удивляете, дружище, столь прямолинейными и аполитичными вопросами удивляете, – сказал Лаврик, безмятежно щурясь. – Вы, так сказать, особенным доверием облечены, нужно не ныть, а гордиться.

– Интересно, почему я? – уныло спросил Мазур.

– Я тебе скажу по старой дружбе, – фыркнул Лаврик. – Только дальше не передавай. Кое-кто решил, что именно твоя физиономия идеально подходит для намеченной акции. Идеальным сочетанием деревенской простоты и хитрости. Нужен мошенник с честной физиономией, но не особенно интеллектуальный...

– Любопытно, – сказал Мазур, охваченный нехорошими предчувствиями. – А с чего это ты язык распустил? Уж тебя-то я знаю...

– А время подошло вносить ясность, – сказал Лаврик беззаботно. – Спустись-ка в каюту к нашему дорогому мистеру Герберту, тут и без тебя управятся. Прямо сейчас, не откладывая...

Мазур покорно поплелся в указанном направлении. На его стук незамедлительно последовало приглашение войти.

Пресловутый мистер Герберт был примерно ровесником Мазура и мужиком весьма обаятельным, настолько, что даже глаза у него были по-настоящему добрыми, а это у людей определенного рода занятий свидетельствует о твердом профессионализме. Учитывая все обстоятельства, даже юный мичман на месте Мазура догадался бы, пожалуй, что этот мужик – никакой не мистер и никакой не Герберт. Но эти догадки следовало держать при себе, если и сам хочешь оставаться профессионалом...

– Как себя чувствуете в новой роли? – поинтересовался мистер Герберт, гостеприимно выставив перед Мазуром запотевшую баночку кока-колы и высокий стакан.

– Нормально, – кратко ответил Мазур, осторожно дернув жестяное колечко.

– Вы сработали на совесть, – сказал мистер Герберт. – Претензий пока нет. Увы, ваш трофей оказался в некотором смысле бесполезным. Это означает, что мы продвинулись вперед не намного, на крохотный шаг. Он уверяет, что вообще не имел никакого отношения к капсуле. Что ее забрал на свой катер Лао – что нашего господина Ма не особенно и удручило, ибо он не видел в этой штуке ничего ценного...

– Простите, а вы его... *хорошо* спрашивали? – осторожно спросил Мазур.

– Будьте уверены, – небрежно ответил Герберт. – Не считаете, надеюсь, что только *вашей* специальности свойствен профессионализм?

– Помилуйте, что вы! – сказал Мазур. – Я ничуть в вашем профессионализме не сомневаюсь, просто уточняю...

– Я так и понял, – кивнул господин Герберт, причем его глаза оставались добрыми, а взгляд открытым и дружеским. – Могу вас заверить, что спрашивали его хорошо. И могу вас заверить, что в искренности клиента я не сомневаюсь. Отсюда, к сожалению, происте-

кает необходимость предпринять новые шаги. Нам необходимо пригласить господина Лао в гости...

Мазур решился спросить:

– Почему вы это говорите мне, а не командиру группы?

– Потому что именно вы будете приглашать его в гости, а не командир, – немедленно ответил Герберт. – Не зря же именно вас решено было вывести на публику...

– Физиономия подходящая, а? – усмехнулся Мазур.

– Именно, – серьезно сказал Герберт. – Физиономия – не столь уж малозначительный фактор... Вот что я хочу вас спросить... Способна ли ваша группа быстро и квалифицированно захватить *клиента* на берегу? Конкретнее, в одном из здешних кабаков? Качественно его взять, преодолев любое сопротивление, после чего доставить на судно? Подумайте хорошенько. Я уже вижу, что задача вам не по нутру, – у вас лицо стало даже не озабоченное, откровенно сердитое.

– Ничего удивительного, – сказал Мазур. – Взять, конечно, можно. Разнести там все вдребезги и пополам, доставить на судно, если будут к тому возможности вроде хорошей машины...

– Почему же физиономия у вас такая кислая?

– Потому что такая работа – немножко не по профилю, – честно признался Мазур. – Мы – военные, диверсанты. Боевики. А то, что вы предлагаете, пахнет скорее шпионскими романами.

– Я ничего не *предлагаю*, запомните, – с металлическими нотками в голосе сказал господин Герберт. – Я либо ставлю задачу, либо отменяю ее. Вам понятно?

– Так точно.

– Избегайте строевых терминов, – посоветовал Герберт. – Не «так точно», а «да». Да, ага, йес, натюрлих...

– Натюрлих, – сказал Мазур.

– Вот то-то, – как ни в чем не бывало кивнул Герберт. – В данном конкретном случае меня совершенно не интересуют тонкости вроде того, что работа, извольте видеть, не совсем по профилю. Вам понятно?

– Да. Ага.

– Следовательно, задача осуществима?

– Безусловно, – сказал Мазур. – Не считите за похвалу, но мы и не на такое способны... Он поднял глаза и усмехнулся. – В особенности, если вся ответственность лежит на других, на тех, кто ставит именно такие задачи...

– Вот это уже лучше. Но физиономия у вас по-прежнему кислая...

– А что вы хотите? – пожал плечами Мазур. – Из всего, что нам вбивали в голову много лет, на первом месте стоит даже не боевое искусство, а скрытность и анонимность. Сейчас же... Конечно, если того требуют интересы дела, мы разнесем кабак вдребезги и пополам при необходимости вместе с прилегающими зданиями и уличными фонарями. Но подобная акция настолько противоречит моему жизненному опыту...

– Моему, между прочим, тоже, – одними губами усмехнулся Герберт. – Я тоже, знаете ли, всю сознательную жизнь живу под флагом скрытности и анонимности. Однако ж обстоятельства... Мы обязаны добыть эту банку. Любой ценой. Приказ идет с самого верха. С *самого*, вы понимаете? С такого, что выше не бывает. А значит, все правила игры летят к черту, нравится это нам с вами или нет. Наши с вами эмоции никого не интересуют.

«Ну, предположим, насчет *самого* верха ты брешешь, голубь, – подумал Мазур с неприкрытым лицом. – Здесь, в Южных морях, нет ни единой советской глушилки, и эфир битком набит вражьиими голосами, как селедка – икрой. С точки зрения ортодоксов, *весь* эфир как раз и состоит из вражьиими голосов. Так вот они, что характерно, вторую неделю уже кле-

вещут, что товарищ Леонид Ильич Брежнев давненько пребывает в коме и на окружающую действительность не реагирует вообще. Какой уж тут самый верх... А впрочем, сия медицинская клевета ни на что не влияет. Верхи есть верхи, и кто там из них *самое* – дело десятое. Если прикажут, пойдешь, как миленький, не то что кабак разносить, а хоть бы и полицейское управление славного портового города Катан-Пратанг...»

– Ну, не смотрите на жизнь столь пессимистично, – обнадежил господин Герберт. – В конце концов, окончательного решения пока нет. И неизвестно, будет ли санкция. В любом случае мы обязаны просчитать любые варианты. И в первую очередь с вами. Боюсь, вынужден вас чуточку огорчить. Вам предстоит часов несколько побыть совершенно продажным и беззастенчивым типом, готовым вступить в преступный сговор с пиратами. Я думаю, вас немного утешит тот факт, что все это относится не к вашей подлинной личности, а к принятой на себя роли...

– Непременно утешит, – хмуро сказал Мазур.

... К вялому удивлению Мазура, господин Ма, на первый взгляд, не выказывал и тени волнения, как будто вовсе и не ему предстояло вскоре продать своего давнего собрата по нелегкому пиратскому ремеслу. Он непринужденно обсуждал меню с куколкой-официанткой, вольно раскинувшись на стуле в позе хозяина жизни, известного здесь всем и каждому. Пожалуй, так оно и было: Мазур то и дело перехватывал направленные на своего соседа взгляды – его явно узнавали, но не подходили и даже не приветствовали жестами. Скорее всего, тут имелся свой неписанный этикет, предписывавший ни за что не узнавать знакомого, если он сидит с личностью незнакомой. Мало ли какими они там заняты делами...

Как ни беги от экзотики, а она рано или поздно настигает. С точки зрения советского офицера, не избалованного заграничными ресторациями, кабак этот выглядел неприкрытой экзотикой – все эти фестончатые фонари, распространявшие мягкий приглушенный свет, решетчатые перегородочки, гирлянды, восточные орнаменты на стенах, жаровенки под черными сковородами, расписные ширмы... Не говоря уж о возвышении, на коем вокруг сверкавшего сусальным золотом шеста грациозно выгибалась черноволосая красotka, успевшая освободиться от части одежд.

На миг позволив себе расслабиться, Мазур подумал, что в его ремесле есть, как ни крути, своя прелесть. Попробуйте представить себе *обыкновенного* капитан-лейтенанта советского флота, который отправился бы в ночной кабак, где нагло расселся за столиком посреди аборигенов и стал бы, потягивая виски, созерцать стриптиз – олицетворение разложения буржуазного общества... Представили? Захолустный гарнизончик где-нибудь на Чукотке был бы для такого проказника-вольнодумца раем земным – после соответствующих оргвыводов и громов среди ясного неба...

– Она вам нравится? – спокойно поинтересовался Ма, небрежно ткнув сигаретой в сторону танцовщицы.

– А почему бы и нет? – пожал плечами Мазур. – Красивые девушки мне обычно нравятся. А вы что, предпочитаете мальчиков?

– Предпочитаю девушек, – ответил Ма без промедления. – Я просто считал, что идеология вам не позволяет...

– Глупости.

– Да? – прищурился Ма. – Я был на континенте лет пять назад. Жуткое зрелище – одинаково одетые толпы, мириады значков с ликом Мао...

– Вы уж не путайте нас с китайцами, – сказал Мазур. – Мы, знаете ли, не впадаем в такие крайности...

– Хотите сказать, что живете свободно?

– Да, в общем-то... – сказал Мазур. Я вам выдам страшный секрет, господин Ма, – у нас тоже есть рестораны. И там порой тоже появляются танцовщицы на сцене, пусть даже не блещущие такой вот откровенностью... – кивнул он в сторону низенькой эстрады, где грациозная красотка уже осталась в немудрящем наряде Евы.

– Ах, вот как... – прищурился Ма. – Если вы говорите правду, это означает, что перемены *пошли*. А вы, пожалуй что, говорите правду. Я видел вашу кинохронику пятидесятих годов – и видел парочку ваших же художественных фильмов гораздо более позднего времени. Определенные изменения налицо. Есть даже сцены, прямо приближающиеся к эротике... Если так пойдет дальше, лет через двадцать вы вернетесь к тому, против чего устранивали революцию. У вас будет стриптиз, а ваши люди станут рассчитывать долларами...

– Да бросьте, – усмехнулся Мазур. – Скажите еще, что у нас будут капиталисты и полиция.

– Почему бы и нет? Человек всегда стремился к тому, чтобы жить сытно. И это его подспудное желание рано или поздно уничтожает плоды любых революций, хотя пока что лично я не в состоянии представить *кардинальные* изменения в континентальном Китае. Но как знать...

– Да вы философ, а?

– Каждый китаец – чуточку философ, – сказал Ма. – Это изначальное. – Полуотвернувшись, он небрежным жестом подозвал официантку и что-то сказал ей на непонятном языке. Вновь повернувшись к Мазуру, непринужденно продолжил: – В конце концов, философия – это то, что испокон веков помогало китайцам бороться с любыми превратностями судьбы. С любыми...

Пожалуй, он все же играл. Бутафорил. Изображал полнейшую непринужденность, беззаботность, спокойствие – чтобы не выглядеть перед Мазуром и перед самим собой пленником, которого сломали. Ну и черт с ним. Вполне естественная попытка сохранить лицо. Лишь бы не продал, флибустьер чертов. Лишь бы не оповестил о своем провале каким-нибудь условным знаком или безобидным словечком из тех, что Мазур не в состоянии понять. За соседним столиком в компании господина Герберта и Князя восседает Лаврик (шумная компания подгулявших белых мореходов, пока что не выходящих за рамки приличий), метрах в двадцати, в углу, примостились Морской Змей и пара его ребят (такие же мореплаватели, только что усевшиеся за столик и успевшие принять по первой). Без сомнения, здесь присутствуют и *другие*, не имеющие отношения к «Нептуну», но служащие тем же морским богам. Даже если Ма продаст, есть все шансы уйти отсюда целыми и невредимыми – при такой-то концентрации «морских дьяволов» и шпионов и умении их за себя постоять в любой ситуации, – но вот чертов Лао может смыться, и лови его потом по всем Южным морям...

– Господин Ма, как мило, что вы вновь посетили нас...

Давешняя танцовщица, уже в коротеньком белом платье, стояла возле их столика, и на ее свеженьком очаровательном личике играла неподдельно радостная улыбка – щедр, должно быть, сосед Мазура с милыми созданиями, щедр, вон как глазыньками играет, чертовка... Определенно в предвкушении приятных гостинцев с водяными знаками и прожилочками...

Мазур ощутил мимолетную обиду на то, что она такая юная, свежая и очаровательная. По всем идеологическим нормам *правильной* жизни ей полагалось быть потасканной и вульгарной, а она вон какая...

Ма, небрежно притянув красотку за талию, что-то шептал ей на ухо, и она без промедления порхнула на колени Мазура, устроилась на них столь непринужденно, словно он этого и требовал. Ну, ничего необычного – там и сям за столиками маячили столь же непринужденные красотки, не переходившие, впрочем, границ приличия. Мазур стоически терпел, уже определив к тому времени, что, кроме означенного платьица, на красотке ничего

более не имеется. Судя по первым наблюдениям, происходило это очаровательное создание с Филиппин.

– Я надеюсь, вы подружитесь, – как ни в чем не бывало сказал Ма, отечески взирая на эту идиллию. – Не обижайте ее, друг мой, она девушка добрая и отзывчивая...

– Ну что вы, мне и в голову не придет... – в тон ему сказал Мазур, без труда удерживая на коленях сей очаровательный груз. – К юным и красивым танцовщицам следует относиться со всем уважением, ведь они порой делают головокружительную карьеру – и на суше, и на морях, что характерно...

Девушка, должно быть, оказалась неглупа и прекрасно поняла подтекст – она бросила на Ма быстрый взгляд, хлопнула ресницами, личико на краткий миг стало испуганным и серьезным... Без сомнения, она прекрасно знала, что за пашенку пашет господин Ма...

«Интересно, – подумал Мазур. – Какого черта он ее отправил ко мне на колени? Забавляется, пытаюсь усмотреть хоть каплю юмора в своем сложном положении, или намерен *сдернуть*? Но не может же он не понимать, что блокирован со всех сторон? Да и красотку в случае чего смахнуть с колен – секундное дело...»

На всякий случай он подобрался, готовый к неожиданностям, – и продолжал с безмятежной рожей общаться с восседавшей на коленях красавицей, перебиравшей форменные пуговицы его белоснежной рубашки и щебетавшей всякий вздор – откуда, мол, гостенек к нам приплыл, нравится ли ему здесь, нравятся ли местные девушки и конкретно та, что в данный момент прельщена и покорена бравым капитаном...

Смотревший через его плечо Ма вдруг на миг дрогнул лицом. Отставил бокал и послал Мазуру многозначительный взгляд. Тот понял. Откровенно оглянулся – в конце концов, он был не шпионом каким-нибудь, не тайным агентом, а собравшимся заключить сомнительную сделку с пиратами моряком, имевшим право волноваться...

Трое китайцев в белоснежных костюмах направлялись прямо к их столику. Мазур почувствовал, как ладонь девушки застыла на его плече, – ну конечно, она и их знала, сообразительная киса, имеющая жизненный опыт...

– Анита, прелесть, погуляй пока, мы будем заняты серьезными делами... – небрежно распорядился Ма.

Девушка проворно вспорхнула с колен Мазура и ушла куда-то в глубь зала, не оглядываясь. Троица остановилась у столика.

Мазур, моментально прокачавший ситуацию, решил, что главный у них – тот, что посередине. Двое по бокам, несмотря на всю загадочность для европейца внешне бесстрастных восточных физиономий, несли на рожах неизгладимую печать вечных шестерок. А вот тот, что в центре... От него прямо-таки веяло умной и злой силой, которую человек определенной профессии обязан определять с маху не хуже гончей собаки, в погоне за зайчишкой пересекшей след волка...

Ма спокойно произнес несколько фраз – надо полагать, по-китайски. Мазур все равно не понял ни словечка. На душе было неуютно. С тем же успехом эти мяукающие, короткие слова могли означать что-то вроде: «Ребята, этому поганому шпику нужно немедленно оторвать башку и еще чего-нибудь...»

Кульминация, а?

Стоявший в центре скупой улыбнулся Мазуру:

– Господин Хансен? Очень приятно. Меня зовут Лао. Мой друг Ма говорит, что у вас дело ко мне?

– Взаимовыгодное, – сказал Мазур твердо.

– Вот как? Это интересно. В нашей несовершенной Вселенной не столь уж часто случаются взаимовыгодные дела... – Лао смотрел на него спокойно, без улыбки. – В таком случае, не перейти ли нам в более удобное место?

Он отвернулся с таким видом, словно заранее ждал, что Мазур послушно последует за ним. Чтобы не показаться с самого начала излишне услужливым, Мазур не шелохнулся. Спокойно спросил:

– Куда это? Здесь вроде бы удобно...

Лао обернулся, чуть приподнял левую бровь:

– Вы чего-то боитесь? Бросьте. Здесь есть уютные задние комнаты, где можно говорить совершенно спокойно... Успокойтесь, я же не зову вас в какие-то грязные трущобы... Идемте.

Мазур, встав без особой спешки, двинулся за ним. Двое спутников Лао замыкали шествие, но в этом пока что не было ни угрозы, ни опасности. «Это нашенские игры, – мельком подумал Мазур, – ребята, конечно, хваткие, что и говорить, но нас, знаете ли, учили и с такими хватами общаться на очень ограниченном пространстве...»

За ширмой, куда направился Лао, оказался узкий полутемный коридор, едва-едва освещенный парой синих причудливых фонариков. Мазура моментально зажали с двух сторон, как шлюху на танцуйках, но он, ощутив на теле жесткие лапы, не стал дергаться – ничего страшного пока что не происходило.

Один из орангутангов что-то коротко бросил на непонятном наречии, и хватка ослабла, его больше не держали в «коробочке».

– Бога ради, простите за эти неизбежные предосторожности, – небрежно сказал Лао. – Люди, знаете ли, склонны таскать на себе всякую гадость – оружие, звукозаписывающую аппаратуру, а я, знаете ли, брезглив... Но с вами пока что все в порядке. Пожалуйста, сюда.

Он вошел первым, не оглядываясь. Мазур последовал за ним, а оба молчаливых охранника остались снаружи. Небольшая квадратная комнатка, обставленная в японском стиле гармоничной пустоты – циновки на полу, крохотный резной столик с асимметрично установленной на нем синей стеклянной вазочкой. И все. Ни единой табуретки.

Лао привычно опустился на пол, сел, подвернув ноги. Очень может быть, такая меблировка для того была и задумана, чтобы с ходу поставить европейского человека в неловкое положение и заставить его чувствовать себя второсортным просителем. Ну уж хрен... Мазур столь же непринужденно сел на корточки, потом растянулся на жесткой циновке, подпершись локтем, – так, чтобы при нужде моментально взмыться в прыжке и поинтересоваться левой подмышкой собеседника. Похоже, Лао был брезглив лишь в отношении *чужого* оружия – у него самого под легким пиджаком висело в кобуре нечто солидное, уж никак не дамская безделушка смешного калибра, – Мазур это определил совершенно точно.

– Итак? – преспокойно спросил Лао. – Ма сказал, что у вас есть некое предложение. Как вы только что сказали, взаимовыгодное... Я готов его выслушать, если оно будет изложено не очень многословно и по-деловому...

– Вы не спрашиваете, кто я такой? – усмехнулся Мазур.

– Ма мне говорил. Вы – суперкарго с «Нептуна», верно? Новоявленный, уточняю.

– В том-то и оно... – сказал Мазур. – В том-то и оно...

– Вам не нравится повышение? Вы, насколько мне известно, были вторым помощником – а теперь стали старшим. Почему же вам это не нравится? Согласитесь, человеку несвойственно грустить, когда его повышают...

– Тут есть свои нюансы, – сказал Мазур. – Знаете, не будем играть словами.

Вы правы, давайте по-деловому. Мне известно, кто вы и чем занимаетесь...

– Очаровательно, – сказал Лао с мимолетной, загадочной улыбкой. – А то, что *посторонним* людям за подобные высказанные вслух заявления порою отрезают язык и рубят руки, вам известно? Это все не из садизма, – пояснил он любезно. – Без языка человек не может говорить, а без рук – писать...

– Писать, при нужде, можно и пальцем ноги...

– Ну, это, скорее, символ, – сказал Лао терпеливо. – Мы, восточные люди, любим символы... Итак?

– Дело у меня предельно простое, – сказал Мазур. – На «Нептуне» – довольно ценный груз. Я сообщаю вам маршрут следования, а вы, в свою очередь, дарите мне десять тысяч долларов...

– Деньги немалые.

– Груз того стоит.

– Возможно, – кивнул Лао. – Но вы, господин Хансен, упускаете очень существенную подробность... Не спорю, японские цветные телевизоры – интересный, ликвидный товар. Но простите за свойственный бизнесмену цинизм: к чему нам нести лишние расходы? И платить вам десять тысяч? наших людей хватает и в управлении порта, и в капитанате, и, признаюсь вам откровенно, в таможне, а также полиции. И маршрут следования «Нептуна» мне уже известен.

– Ну да? – широко осклабился Мазур. – Вы имеете в виду легальный? Мимо Параттачая – в Мабайский пролив? А почему вы решили, что «Нептун» пойдет именно этим, заявленным курсом?

– Объясните, – бросил Лао, прищурившись.

– Маршрут будет совершенно другим, – сказал Мазур с той же широкой ухмылкой. – Понятно вам? До Параттачая вы вряд ли рискнете что-нибудь предпринять – в тех местах полно патрулей... Но в том-то и штука, что после Параттачая «Нептун» ляжет на совершенно другой курс... И у вас есть все шансы упустить судно.

– Интересно, – сказал Лао бесстрастно. – Согласен, это интересно... Почему же так произойдет?

– Там нет никаких телевизоров, – сказал Мазур. – Это только коробки, любезный господин Лао... А вместо телевизоров в них автоматы. Точнее говоря, пистолеты-пулеметы. Из разряда компактных, «Беретта» типа «двенадцать» и германские «Вальтер-курц». Кое для кого это еще более ликвидный и интересный товар, нежели японские телевизоры, не правда ли?

– Пожалуй... – протянул Лао. – Пожалуй... И для кого же груз?

– Вы никогда не слышали о штуке под названием «аванс»? В это понятие входит ровно половина... Пять тысяч.

– И все же – многовато... Пять. Аванс – две.

– Дорогой господин Лао, – проникновенно сказал Мазур. – Я эту цифру взял не с потолка. Мне необходима именно такая сумма. Именно такая сумма необходима, чтобы покинуть и эти места, и суда вроде «Нептуна», устроиться на хорошее место в Европе...

– Что, в Европе тоже берут взятки за устройство на хорошее место? – усмехнулся Лао.

– А где их не берут?

– Семь.

– Девять.

– Господин Хансен, вы, я вижу, неглупый человек. Не может быть, чтобы вы не предусмотрели возможность *манипуляции* суммами... Давайте по старому торговому обычаю разделим разницу пополам. Восемь. Это мое последнее слово.

После некоторого раздумья, старательно изображаемого, Мазур махнул рукой:

– Идет... Но половину вперед.

Уже сунув руку во внутренний карман белоснежного пиджака, Лао вдруг осклабился:

– А вы не боитесь, что я пожелаю получить от вас информацию *даром*?

«Ах ты, поганец, – ласково подумал Мазур. – Хочешь получить за свои денежки максимум удовольствия? А вот те хрен...»

И уверенно сказал:

– Нет, нисколько не боюсь. Во-первых, господин Ма вас аттестовал как очень умного человека. Перед таким рейсом с *таким* грузом исчезновение суперкарго способно привести к самым непредсказуемым последствиям, я эти последствия даже просчитать не берусь. Во-вторых... Я немного наслышан о вашем... *братстве*. Вы, насколько мне известно, честно расплачиваетесь за информацию. Кто бы стал с вами сотрудничать, распространись широко известия, что вы предпочитаете в честных сделках расплачиваться пулями?

Задержав руку в кармане, Лао бросил на него цепкий взгляд, усмехнулся:

– Ну что ж, вы правы. За честную работу мы, как правило, платим. Но за обман и прочие непристойные поступки непременно караем. Не забудьте об этом...

– Я намерен совершить совершенно честную сделку... – пожал плечами Мазур. – Ничего, если я использую этот сосудик в качестве пепельницы?

– Сделайте одолжение, – сказал Лао. – Я – китаец, меня не волнует надругательство над японскими икебанами... Вот, держите.

И он небрежно бросил пачку банкнот на разделявший их столик, чуть оттопырив нижнюю губу с видом несомненного превосходства. Придвинув к себе купюры, Мазур безмятежно спросил:

– Если я их пересчитаю в вашем присутствии, я не нарушу ненароком каких-нибудь местных обычаев? Смертельного оскорбления не нанесу?

– Ну что вы, извольте... – ответил Лао вовсе уж надменно. – Знаете, господин Хансен, мне кажется, что вы в этих местах человек новый.

– Отдаю должное вашей проницательности, – сказал Мазур, старательно пересчитав зеленовато-черные бумажки с портретом старинного американского президента. – Пришлось связаться с панамцами – обстоятельства, знаете ли... Но климат, похоже, придется менять. Мне не по душе *такие* рейсы.

– И, конечно же, по причине моральных препон? – усмехнулся Лао.

– Я бы не сказал, – ответил Мазур. – Просто-напросто выгода очень уж скудная, а шансы случайно вывалиться за борт и утюгом пойти ко дну весьма даже велики. На море человеку исчезнуть бесследно в сто раз легче, чем на суше.

– Вздор, – лениво сказал Лао. – Если кто-то серьезный *очень* захочет, чтобы человек пропал бесследно, совершенно не имеет значения, на суше происходит дело или на море.

– Ну, вам виднее...

– Безусловно, – сказал Лао с непроницаемым лицом. – Поэтому еще раз убедительно попрошу вас воздержаться от... глупых поступков. Чтобы покинуть зону нашего влияния, вам придется преодолеть очень уж огромные расстояния, но наши руки способны дотянуться и дальше... Ну что же, вы получили аванс. Не соблаговолите ли теперь рассказать, куда пойдет «Нептун»?

– Попросите принести карту... – заикнулся было Мазур.

– Для вас или для меня?

– Для вас, конечно.

– Я в карте не нуждаюсь, – сказал Лао с прежней надменностью. – Это *мои* моря, и я их знаю без всяких карт.

«Не помрешь ты от скромности, мужик», – подумал Мазур. И сказал:

– Ну что же... Мы, пройдя мимо Параттачая, свернем на норд-вест и практически по меридиану пойдем к архипелагу Лианг... Вас интересует дальнейший путь?

– Пожалуй, нет, – решительно сказал Лао. – Это уже несущественно. Вот, значит, кому...

– Ну да, – сказал Мазур. – Понимаете, отчего меня не прельщают *такие* рейсы? Ваш... бизнес, если подойти к нему непредвзято, в сущности – старая как мир профессия. Но эти

фанатики, идеалисты, освободители народов, непременно стенающих под игом... С ними человеку приземленному невозможно иметь дело.

– Пожалуй... – протянул Лао.

«Вот теперь самое время пеленать голубчика», – подумал Мазур. Он не считал себя суперменом, но смог бы без особого труда справиться и с этим напыщенным флибустьером, и с его двумя орангутангами. Но вот что дальше? Дальше – полная непредсказуемость. Это их кабак, каждый второй здесь может оказаться подданным некоронованной королевы без государства. И такая коловерть тогда закружит... А ведь клюнул, клюнул!

Безусловно, *одному* Мазуру нечего было и пытаться продать самую завлекательную для пиратов информацию. В таких делах добровольцам со стороны не верят ни на грош. В худшем случае полоснули бы бритвой по горлу – и в колодец, а в лучшем – невозмутимо выслушали бы и с ледяным спокойствием пожали плечами: «Любезный господин, а почему вы обратились именно к нам? Почему вы решили, что нас интересуют столь грязные дела? Советуем убраться, пока не крикнули полицию...» Нет, великое дело все же – перевербованный бандюга, все еще пользующийся доверием соратничков...

– Хотите что-то спросить? – вежливо поинтересовался Лао.

– Разумеется. Когда получу вторую половину.

– На вашем судне, конечно. Когда мы встретимся вновь. Я думаю, нетрудно будет улучшить момент и передать вам деньги, не вызвав никаких подозрений... И знаете что, господин Хансен? – Глаза китайца были совсем жесткими и холодными. – Я бы не исключал, что вам придется задержаться в наших прекрасных краях...

– То есть?

– Я буду откровенным. Наша сделка и в самом деле взаимовыгодна и неплоха, но она – *разовая*. А серьезный бизнесмен всегда стремится к *регулярности* процесса. В том случае, конечно, когда процесс выгоден. Я успел кое-что обдумать. Вы включены в некую систему. В *цепочку*, которая меня заинтересовала. А посему, уж простите, я намерен еще какое-то время использовать те возможности, какие, несомненно, принесет ваше дальнейшее пребывание на борту «Нептуна». Понимаете?

– Понимаю, конечно. Но...

– Никаких «но», – ледяным тоном сказал Лао. – Это не тема для дискуссий, а свершившийся факт. Я не бросаю слов на ветер и не грожу понапрасну. С этой минуты можете считать, что получили постоянную работу в нашей... корпорации, господин Хансен. Интересную, в чем-то, не будем скрывать, опасную, но хорошо оплачиваемую. Подождет ваша Европа. Очень скучный континент, право, бывал я там...

– Но позвольте! – в полном смятении воскликнул ошарашенный господин Хансен. – Нужно подумать...

– Вы что-то не поняли? Я же сказал: речь идет о свершившемся факте. Вы приняты на службу две минуты назад. И любая попытка отказаться от работы – скажем, списаться на берег в каком-нибудь порту подальше – будет рассматриваться, как измена. И караться соответственно. – На его застывшей физиономии появилось подобие улыбки. – Быть может, вас принуждали насильно, господин Хансен? Вас схватили на улице, завязали глаза и с клинком у горла втокнули в зловещий черный автомобиль? Нет, вы пришли сами. Вы хотели денег. И вы их получите. Не смотрите на меня, как на монстра. Это, в конце концов, бизнес. Что поделать, в нашей несовершенной Вселенной не бывает *легких* денег...

Сейчас он был по-настоящему страшен – должно быть, именно так выглядел, ведя своих орлов на абордаж.

– У меня что, нет выбора? – растерянно пробормотал бедолага Хансен, только сейчас осознав, во что влип.

– Ни малейшего, – самую чуточку *отмякнув* лицом, усмехнулся Лао. – А чтобы вы не питали иллюзий... Возьмите вот этот лист, ручку и напишите мне письмо с изложением всего, что только что рассказали. О характере груза, о месте назначения... Эпитеты «дорогой» и «уважаемый» не обязательны. Достаточно сухого «Господин Лао, имею честь сообщить...» Ну-ну, давайте, пишите.

– Черт, – сказал Мазур. – Меня же после этого даже резать не обязательно...

– Вот именно, – задушевно подтвердил Лао. – Ну зачем же вас резать? Это пахнет варварством... Достаточно будет передать эту бумагу в одну из тех смешных государственных организаций, что всерьез озабочены торжеством законности, – и, учитывая некоторые обстоятельства, наша старушка планета станет для вас тесноватой... Есть, знаете ли, такая склочная и въедливая организация – Интерпол...

– Наслышан... – огрызнулся Мазур, со вздохом беря протянутую ручку и опускаясь на коленки у резного столика. – Угораздило, а...

– Повторяю, вас никто не неволил, милейший...

Старательно выводя слова, Мазур возопил мысленно: «Охти мне, горемышному! Вербанули, ироды, душу грешную! Затянули выюношу невинного злодейские рожи!»

Самое трудное было – сохранять на лице горестное выражение оказавшегося в капкане бедолаги, когда душа так и пела оттого, что все прошло как нельзя более удачно. Возбуди он подозрения, никто не стал бы утруждать себя возней с подобными «смертельными подписками» – попытались бы прирезать без затей...

– Вот и прекрасно, – сказал Лао, старательно сложив бумагу вчетверо и упрятав ее поглубже в карман. – Не переживайте так, господин Хансен. Корпорация, где вам отныне предстоит служить, старательно придерживается тех самых правил, о которых мы уже говорили: за честную работу мы платим хорошо и вовремя, за предательство или несдержанный язык отправляем на тот свет... – Он снизошел до того, что пару раз легонько похлопал завербованного бедолагу по плечу. – Сейчас я уйду, а вы, пожалуйста, оставайтесь здесь какое-то время. Вам, кажется, понравилась очаровательная Анита? Какие пустяки, за счет заведения... Всего наилучшего!

Он кивнул и вышел с гордо поднятой головой. Оставшись один, Мазур зачем-то пересчитал сложенные пополам сто долларовые купюры. Все правильно, ровно сорок. Оказывается, продавать несуществующие секреты иногда чертовски выгодно...

Низенькая дверца бесшумно распахнулась. Внутрь скользнула Анита в своем простеньком белом платьице, коротеньком и открытом, взмахнула длинными ресницами, потупилась:

– Мне поручили о вас позаботиться, дорогой господин Хансен, сделать все, чтобы вы не чувствовали себя одиноким и брошенным...

– Рад слышать, – сказал Мазур. – Но господин Ма...

– Он уже ушел, – прилежно доложила Анита. – С какими-то друзьями. Пойдемте ко мне?

«Аморалка, – подумал Мазур. – Руссо туристо, облик морале. Оргвыводы и строгачи... А почему, собственно?»

Он поднял глаза – ах, как красива и экзотична была иноземная кабацкая шлюха, ничуть на таковую не походившая... А в конце-то концов, кто чего заподозрит? Интересы дела – понятие растяжимое...

– С удовольствием, – сказал он. – Но сначала посидим немного в зале, ладно? Я слишком долго болтался в море, хочется провести вечер в цивилизованной обстановке...

– Как вам будет угодно, – с дразнящей улыбкой сказала Анита. – Можете ни в чем себя не ограничивать, все будет отнесено за счет заведения... Должно быть, вы – хороший друг господина Лао?

– Ну, вообще-то... – уклончиво ответил Мазур, благо английский, на коем они изъяснялись, богат был подобными уклончивыми оборотами не менее русского.

Их с Ма прежний столик так никто и не занял, хотя заведение было набито под завязку. На эстраде уже выкаблучивались две полуголых китайки, всеми средствами пантомимы показывавшие, какие они лесбиянки и как друг дружку жаждут. Из знакомых лиц остался один Лаврик. Надо понимать, силовая акция признана несвоевременной и отменена...

– Закажи что-нибудь, ладно? – сказал Мазур. – Тут наш доктор, я с ним перекинусь парой слов...

Он подошел к Лаврику, присел на свободный стул и тихонько спросил:

– Пасешь?

– Охраняю, – ответил Самарин. – Мало ли что...

– Можете сниматься с якоря, – сказал Мазур уверенно. – Дело сделано. Я вернусь утречком...

Лаврик через его плечо бросил пытливый взгляд на Аниту:

– Понятно...

– Не могу я уйти, – сказал Мазур. – Они не поймут...

– Да ясно, ясно, – сговорчиво сказал Лаврик без тени ожидавшейся ухмылки. – Доложу в лучшем виде, иди, работай дальше... Родина требует, чего уж там...

Минут через двадцать они покинули зал. Анита, скользя впереди бесшумным пленительным видением, уверенно вела его по лабиринту переходов с дощатыми стенами и стенами из циновок, мимо неплотно занавешанных входов в комнатки. Лабиринт кипел привычной и бурной жизнью: даже не зная ни слова из долетавших фраз, можно было без труда догадаться, где приятно проводят время с женщинами, где азартно режутся в уже знакомую Мазуру малайскую рулетку, а где неспешно и солидно ведут переговоры – то ли продают что-то безобидное и законом вполне одобряемое, то ли сговариваются перерезать кому-то глотку, поди их разбери...

Выбравшись из этого муравейника, они поднялись на второй этаж. Там все было совершенно иначе, напоминало коридор недорогой, но приличной гостиницы – ряд дверей по обе стороны, тишина и порядок. Комната тоже оказалась самая обыкновенная, ни единой мелочи, свидетельствующей, что они находятся в романтических Южных морях. Этакая девичья светелка, приют благонамеренной пансионерки, даже темное католическое распятие висит в изголовье. Вот только кровать была определенно широковата для девичьей светелки...

– Я с Филиппин, – тихо пояснила Анита, перехватив его брошенный на распятие взгляд, доставая из шкафчика бутылку и бокалы. – Мы долго были под властью испанцев, у нас много католиков...

– Я знаю, – сказал Мазур, по причине отсутствия стульев примостившийся на постели.

– Мне сразу раздеться?

– Успеется.

Она мимолетно улыбнулась:

– Вы, как я понимаю, из тех, кто удостаивает девушку культурным разговором? Что ж, я полностью в вашем распоряжении, вам нет нужды смотреть на часы...

И, одним движением сбросив туфельки, вытянулась рядом с ним в грациозной позе, так, чтобы при необходимости оказаться под рукой. Профессиональным взглядом окинув комнату, Мазур попытался прикинуть, сколько сюда можно напихать микрофонов и не приметных объективов. Да хоть сотню, пессимистично рассуждая...

– Что вы так оглядываетесь? – спросила Анита, легонько прижавшись к нему бедром.

– Я-то думал, здесь будет масса всяких экзотических вещей, – сказал Мазур чистую правду. – А у тебя так обыденно...

– По-моему, вполне достаточно одной-единственной экзотической вещи – меня, – ответила Анита, невинно хлопая ресницами. – Я вам нравлюсь?

– Ну конечно, – сказал Мазур. И добавил про себя: «Особенно – на халяву, чего уж там...»

– Что же вы лежите, как истукан?

Он предпринял кое-что, не спеша. Выгибаясь под его ладонью, экзотическая вещь, единственная в комнате, промурлыкала:

– По-моему, вы в наших краях недавно...

– А какая разница?

– О, что вы, я не собираюсь ничего у вас выведывать, вы не подумайте... – Она непринужденно направила ладонь Мазура дальше, в самые интригующие ареалы. – Просто интересно, каждый новый человек – это новая загадка...

– Любишь загадки?

– Ну, не особенно. Я простая девушка с простыми желаниями. Мы, женщины, существа приземленные – нужно накопить денег и удачно выйти замуж, а потом уже можно быть примерной и хорошей женой. Мужчинам проще, вы можете себе позволить беззаботно носиться по морям, сколько в голову взбредет... Знаете, мне отчего-то кажется, что вы не такой уж большой друг господина Лао, что вы с ним совершенно чужие...

– А вы проницательны, красавица моя, – сказал Мазур. – Просто-напросто у меня с ним дела. Ты совершенно права – должен же человек заработать денег для приличной жизни...

– А риск вас не пугает?

– Приходится иногда рисковать, – сказал Мазур.

Девушка гибко перевернулась на бок, тесно прильнула к нему, засыпав лицо черными волосами. И зашептала на ухо едва слышно:

– Ну, если вы не боитесь риска, то не должны бояться, мне кажется, хорошо оплаченного риска... Очень хорошо оплаченного...

– Подробнее, – столь же тихо ответил Мазур.

Беззаботный шепот щекотал ему ухо:

– Один господин из Индонезии, которому не нравится то, что порой происходит с его судами, обещал пятьдесят тысяч долларов тому, кто привезет к нему в гости господина Лао... Я слышала, в последний месяц сумма увеличилась до семидесяти...

– Шутишь? – спросил Мазур.

– А если нет?

Мазур приподнялся на локте, всмотрелся в ее совершенно спокойное личико и, крепко сжав двумя пальцами нежный подбородок, спросил шепотом:

– Прелестное создание, ты хоть понимаешь, что с тобой будет, если...

– Пресвятая дева, неужели вы способны меня выдать и позволить, чтобы мне причинили зло?

– А если способен?

– У вас лицо настоящего кабальеро...

– Внешность, знаешь ли, обманчива...

– Ни за что не поверю, что вы способны меня выдать, – ее опытные пальчики в два счета справились с пряжкой пояса. – Вы же этого совсем не хотите... Ложитесь поудобней. Считайте, что я пошутила...

Запустив пальцы в пышные пряди, Мазур легонько приподнял ее голову со своего живота:

– Ну ладно, будем считать, что я истинный кабальеро. Ничего я не слышал. Но если еще раз услышу...

– Не услышите, – пообещала она сговорчиво.

И замолчала по чисто техническим причинам. Вытянувшись на постели и рассеянно глядя на ритмично двигавшийся черноволосый затылок, Мазур мельком подумал: примитивно работает господин Лао, надо сказать. Или это с ее стороны все же самодеятельность? Мало ли какие у нее планы. Полное впечатление, что в таких местах всякий на кого-то работает, так что возможны любые варианты. Ладно, как бы там ни было, проверка это или желание найти помощника для весьма выгодной негоции, поддерживать такие разговоры слишком опасно... Если она не провокаторша дешевая и преследует свои чисто корыстные интересы, головенки обоим могут оторвать еще до рассвета – если тут все же есть «клопы»...

...Обошлось, самые пессимистические его гипотезы так и не подтвердились. Ранним утречком Анита проводила его черным ходом на улицу, и оба при этом остались живы-здоровы. Никто не попался по дороге, никто не порывался прирезать, и Мазур, стоя у солидного крыльца из незнакомого некрашеного дерева, немного успокоился.

– Я всегда буду рада вас видеть, – заверила Анита, наградив на прощанье добросовестным влажным поцелуем. – У вас есть обхождение, вы обращаетесь с девушкой, как с человеком...

И упорхнула за дверь. Оставшись в одиночестве, Мазур от души зевнул, с хрустом и мычаньем. Вышел на середину улицы, оглянулся на фасад заведения. Неоновые трубки, аглицкими буквами и иероглифами возвещавшие, что заведение имеет честь именоваться «Звезда глубины», были погашены, трехэтажное здание казалось пустым и вымершим. Было уже довольно светло, теплый ветерок ворошил смятые газеты, на противоположной стороне, на ступеньках магазинчика с опущенными металлическими жалюзи, ночной сторож нес вахту совершенно по-советски: дремал, уронив голову на колени, зажав в сгибе локтя длинную оструганную палку.

Потом послышался звук мотора, из-за угла выехало такси – длинная американская машина годков этак двадцати от роду, выкрашенная в бело-желтый цвет довольно давно. Дверца распахнулась с печальным скрежетом, Лаврик позвал:

– Садитесь, что ли, старпом...

Мазур сел в машину, и она сразу же тронулась, дребезжа, но довольно проворно. Здесь, как и в родном Отечестве, умельцы ухитрялись поддерживать на ходу вовсе уж безнадежную рухлядь, добрая половина здешних машин была лишь немногим моложе Мазура, а порой попадались и монстры, помнившие японскую оккупацию, а то и кокаиновые двадцатые.

– Ну что? – спросил Лаврик бесстрастным тоном. – Справился, наконец, с заданием? – Перехватив взгляд Мазура, брошенный на водителя, хмыкнул: – Ничего, он не заложит...

– Ну, а что было делать? – пожал плечами Мазур. – Если тебе в честь успешной сделки делают презент в виде такой вот фемины, нельзя же выходить из роли. Еще подумали бы черт-те что...

– Да бог с тобой, я же с тебя объяснительных не требую, – сказал Лаврик тоном оскорбленной невинности. – Разумеется, нельзя выходить из роли...

Он развалился на продранном сиденье, благодушный и дружелюбный, прямо-таки братишка родной, первый кореш на деревне. Но вот если ты своим поведением дашь ему повод, начнется такое, что и вспоминать не хочется. Взять хотя бы Ахатинские острова и тамошнюю мясорубку. «Что поделать, работа у человека такая», – великодушно подумал Мазур, на сей раз вроде бы не имевший за душой грехов, требовавших немедленного вмешательства особого отдела.

– Валютку сдать не забудь, – поведаль Мазур рассеянно.

– А уж это моментально, – сказал Мазур сговорчиво. – Изволь. Ровно три девятьсот, не веришь – обыщи.

– По-моему, тебе четыре давали, – сказал Лаврик вкрадчиво.

– Ну да, – сказал Мазур. – Но здесь, видишь ли, принято среди приличных людей утром оставлять девушке чаевые. Не могу же я выходить из роли...

– Я понимаю. И завидую – хорошая тебе роль досталась... Интересно, оно хоть стоило сотни баков?

– Стоило, – убежденно сказал Мазур.

– Ох, счастливчик... – Лаврик резко переменил тон: – Ну, как думаешь, на крючок сели?

– Я живой и с авансом в кармане, – сказал Мазур. – Это кое о чем говорит, а? Эти ребята так просто деньги не платят... и так просто в живых не оставляют. Лишь бы Ма не сбежал.

– Хрен он куда сбежит, – сказал Лаврик убежденно. – Не на тех напал, декадент хренов...

Глава четвертая

В флибустьерском дальнем синем море

Впрочем, море поутру было не синим – скорее густо-голубым, на воде лежала темная рябь, крепчал ветер, и высокие волны разбрызгивали пену. Покосившись в сторону переборки, Мазур уверился, что барометр падает. На горизонте, с норд-норд-веста, вставали серые тучи.

Строго говоря, Мазур не мог считать себя морским волком – его флотская жизнь, как правило, протекала ниже уровня воды. Но он как-никак был не только «морским дьяволом», но и морским офицером с некоторым опытом. Погода ему не нравилась – слишком многое свидетельствовало о приближении шторма.

– Хорошо, если шторм, – проворчал загадочный капитан Адам Барт, то ли угадав его мысли, то ли перехватив взгляды на барометр. – Может и тайфун случиться, запросто. Такие уж места.

– Вряд ли наши друзья не рискнут выйти в море из-за погоды, а? – спокойно сказал Морской Змей.

– Они-то выйдут, – ответил капитан. – Только тайфун в здешних местах – удовольствие маленькое. Никакого удовольствия, если точнее.

– Ну, а что делать?

– А делать нечего... – уныло согласился капитан.

«Нептун» уже часа полтора как оставил по правому борту за кормой мыс Параттачай, игравший примерно ту же роль, что в ковбойских фильмах – последний форт бледнолицых на границе индейской территории. Они были в международных водах, среди россыпи кому-то принадлежавших, но необитаемых островков, в местах, где полицейские и пограничные корабли встречаются редко, где пираты чувствуют себя вольготно.

Но пока что не попало на пути никого, похожего на пиратов. Одни только парусные лодки, туземные рыболовы, спешившие куда-то по неотложным делам, да американский «Орион», прекрасно им знакомый самолет-разведчик, прошедший почти параллельным курсом левее, на высоте примерно двух километров, и нисколько ими не заинтересовавшийся. Американских баз здесь хватало, что добавляло опаски... Если звездно-полосатые ребята еще не пустились на охоту за заблудившейся капсулой, то следует ожидать, что и летучие рыбы заговорят человеческим голосом. У янкесов достаточно станций слежения в этих самых местах...

– Ага! – сказал Морской Змей. – Что думаете?

– А возможно... – протянул капитан.

Мазур тоже посмотрел в ту сторону.

На фоне зеленого островка милях в полутора по левому борту четко выделялся небольшой кораблик, определенно стоявший на якоре или лежавший в дрейфе.

– Единственный флаг. «Виски», – сказал капитан, опустив бинокль.

«Та-ак...» – сказал себе Мазур, напрягшись.

Значит «Виски». Красный квадрат окружен белой каймой, а та, в свою очередь, синей. «Мне необходима медицинская помощь». Вполне убедительная мотивировка для замаскированной засады.

Капитан перебросил ручки машинного телеграфа на «малый». «Нептун» гасил скорость. До кораблика, с первого взгляда напоминавшего неказистый рыбацкий траулер, было уже не более полукабельтова, и можно было рассмотреть на корме две яростно жестикулировавших фигуры.

Через минуту на единственной мачте траулера взвились еще два флага – «Альфа» и «Майк». «Есть ли у вас врач?»

– «Альфа» – «Лима» поднять, – распорядился капитан в переговорную трубу. – Стоп машина... И запросите, что у них.

Вскоре на мачте траулера поднялись флаги, сообщавшие, что на борту имеется больной с сотрясением мозга, вызванным ушибом, и просившие выслать шлюпку с врачом. Капитан «Нептуна», переглянувшись с Морским Змеем, ответил «Браво» и «Юниформом» – шлюпка направляется принять раненого...

Если это были те, кого они ждали, если они наблюдали за «Нептуном» в бинокли, не должны были ничего заподозрить – возле одной из шлюпбалок появились два матросика и принялись опускать шлюпку на тали. Тут же в полной готовности оказать помощь страждущему объявился эскулап в белом халате. Фамилия его была Самарин, и многие звали его Лавриком за выпендрежную привычку носить совершенно не нужное при его стопроцентном зрении бериевское пенсне.

Все было готово к встрече – и лучше не думать о том, что порой невозможно предусмотреть абсолютно все случайности...

И потому, как ни странно для человека непосвященного, Мазур испытал в первую очередь жуткое облегчение и даже радость, когда из-за восточной оконечности островка, из-за зеленой кипени джунглей вырвались два суденышка совершенно другого вида, низкие и словно бы поджарые, напоминавшие волков в беге. С прытью торпедных катеров они мчались к «Нептуну» задрав носы, оставляя за кормой белопенные буруны, особенно яркие на фоне темнеющего неба и густо-синего моря.

Звонко протарахтела короткая очередь, и перед самым носом «Нептуна» взвились пять фонтанов. «„Эрликон“, – определил Мазур. – Миллиметров тридцать. Пятизарядка времен Второй мировой – но для мирного судна этого, безусловно, хватит... Ага!»

На сигнальных фалах обоих атакующих катеров полоскалось по два одинаковых флага – «Сиерра» и «Новембер». То же самое сочетание появилось на мачте траулера-приманки, прытко развернувшегося вдруг и устремившегося к «Нептуну» с несвойственным рыбацкому корыту проворством. Ну конечно: «Сиерра» и «Новембер»!

«Вам следует немедленно остановиться. Не пытайтесь уйти. Не спускайте шлюпки. Не ведите переговоров по радио. В случае неповиновения я открою огонь».

Поразительно, как много можно выразить посредством трех десятков сигнальных флагов Международного Свода...

Вновь затарахтела автоматическая пушка, снаряды легли еще ближе – на случай, если капитан окажется тугодумом или чрезмерно храбрым. Впрочем, «Нептун» смирно лежал в дрейфе. Передний катер описал короткую дугу, развернувшись параллельно кораблю, с большой сноровкой причалил, смягчив толчок кранцами из старых автомобильных покрышек, стоявший на носу человек размахнулся – и в фальшборт «Нептуна» впился трехлапый крюк на прочном лине. Точно такой же мелькнул правее, брошенный со второго кораблика.

Мазур видел, как «эскулап» и сопутствовавшие ему моряки старательно задрали руки над головой – ну а как же иначе прикажете поступить людям, которых взяли на прицел полдюжины автоматов?

Уже явственно слышались истошные вопли на аглицком – насчет того, чтобы все стояли спокойно, держали рученьки над головой и не вздумали рыпаться. По линиям с невероятным проворством, что твои бандерлоги, уже карабкались люди с автоматами за спиной. Передний, перепрыгнув на палубу, отеснил Лаврика со товарищи от борта, тыча дулом автомата в пузо, а второй в три секунды сбросил штормтрап.

Первым по нему поднялся господин Лао – вот так встреча, а мы уж ждали-ждали, все жданки съели! – властный и решительный, с «узиком» на плече, проворный и гибкий, как леопард, флибустьер, бя... В сопровождении двух ореликов он без промедления направился к рубке, взбежал по белой лесенке, пинком распахнув дверь.

На палубе орали и грозили, пустив пару коротких очередей в воздух. Там уже суетилось не менее дюжины «джентльменов удачи». Двое кинулись вниз, явно намереваясь вытащить из кают всех свободных от вахты. Ну что же, вечная память идиотам...

– Ну и что тут у нас происходит? – пробормотал капитан Барт с видом унылой покорности судьбе.

– Молчать! – отрезал Лао. – Никому не двигаться!

Он, конечно же, и виду не подал, что накоротке знаком с Мазуром, то бишь господином Хансеном, а тот, понятное дело, и не стремился афишировать знакомство. Он просто-напросто ждал своего часа, напрягшись, как струна. Рулевой, бросив штурвал, таращился на ворвавшихся пиратов с невероятно идиотским выражением лица, всем своим видом являя тупую покорность.

– Вы – капитан? – отрывисто спросил Лао, небрежно постукивая пальцами по короткому стволу «узика».

Капитан кивнул.

– Слушайте внимательно...

Что он хотел сказать, так и осталось неизвестным.

Морской Змей, очевидно, сочтя этот миг как нельзя более подходящим для начала операции, вдруг громко сказал:

– Катится телега!

Лао еще успел бросить на него недоуменный взгляд – а больше не успел ничегошеньки, потому что началась карусель...

В мгновение ока двоих сопровождавших Лао пиратов сбили с ног рулевой и стряхнувший всякую меланхолию капитан Барт, и оба еще жили, пока летели вверх тормашками, а вот оказавшись на чисто вымытых тиковых досках, жить перестали... Перенеся тяжесть тела на левую ногу, Мазур четко подсек пиратского главаря, сорвал с падающего автомат и отбросил подальше, а вдогонку припечатал ребром ладони так, чтобы господин Лао очнулся не скоро, но все же, в отличие от своих горилл, очнулся обязательно. Морской Змей дернул треугольную стальную ручку ревуна. Легко понять, что произошло все это в какие-то секунды.

Коротко, могуче, басовито рявкнула сирена.

Диспозиция изменилась мгновенно. Отлетел в сторону прикрывавший шлюпки брезент, и поднявшиеся оттуда люди, не теряя ни секунды, открыли огонь короткими очередями, а еще четверо, выпрыгнувшие из распахнувшейся двери надстройки, разомкнулись на две стороны и черкнули уже длинными очередями по пришвартованным к бортам «Нептуна» корабликам.

Со своего места Мазур отлично видел, как пулеметчик срезал обоих пиратов у «Эрликона», как рухнул третий, кинувшийся было отцепить линь с крюком. Летели щепки, со звоном разлетались стекла. Это очень страшно – великолепно срежиссированный и молниеносный огневой налет спецназа, быть может, это и есть самая страшная вещь на земле, по крайней мере для того, кто, на свою беду, и оказался мишенью...

Второй катер, отчаянно взыв двигателем, прямо-таки отпрыгнул от борта, и линь звонко лопнул. Полетевшая вслед граната взорвалась на корме, подняв тучу перемешанных с буро-серым дымом обломков, но катер, не понеся ощутимого урона ниже ватерлинии, остался на плаву и улепетывал во все лопатки, провожаемый длинными пулеметными очередями.

Другому повезло меньше, тому, что был вооружен «Эрликоном». Его закидали гранатами, как и лжетраулер, – и оба суденышка очень быстро занялись, словно пучки соломы. Капитан, не теряя времени, перекинул рукоятки машинного телеграфа на «самый полный», и «Нептун» пошел в море, оставив за кормой два высоких столба дыма. Кажется, там остался кто-то живой – охваченные пламенем фигуры *выломались* из дыма, сиганули за борт, но их судьба уже никого особенно не волновала, по большому счету, они никому уже не были интересны. Вряд ли еще кто-то оставался в засаде. И не было смысла преследовать ушедший катер – радиоантенну ему все равно сбили в первые же секунды, наверняка укроется на какой-нибудь их ближайшей потаенной базе, и много времени пройдет, прежде чем более высокопоставленные в пиратской иерархии особы узнают, какая судьба постигла флотилию господина Лао...

Мазур посмотрел на палубу. Там все уже было в порядке – стрельба утихла за неимением мишеней, нападавшие лежали неподвижно, а если кто-то из них и притворялся мертвым, то это не могло спасти его надолго.

– Гений ты у нас, – сказал Мазур Морскому Змею, переводя дыхание. – Отсюда видно, что потерь нет, да и раненых тоже... Если так и дальше пойдет, адмиралом раньше всех станешь...

– А то, – сказал Морской Змей, щурясь.

– И дальше?

– Идем назад в Катан-Панданг.

– Да? – сказал Мазур с сомнением. – А это оправданно? Если там узнают, как мы с этими ребятами обошлись, жить будет неудобно...

– Не узнают, – скупое усмехнулся Морской Змей. И, перехватив взгляд Мазура, направленный в ту сторону, куда умчался единственный уцелевший пиратский катер, скупое усмехнулся. – Ах, вон ты о чем... Ну, я бы на твоём месте о них не особенно беспокоился...

«Вон оно что, – подумал Мазур, моментально ухвативший все недосказанное. – Выходит, мы тут не одни, надо полагать? Ну что же, логично. Коли уж встрепнулись самые верхи...»

Только теперь на палубе появился господин Герберт, чистенький и подтянутый, шагавший к рубке так, словно вокруг него не было ни кровавых пятен, ни трупов, ни живых людей с автоматами. Очень воспитанный человек, прямо-таки английский милорд из анекдотов...

Легко взбежав по белому трапу, господин Герберт с одного взгляда оценил ситуацию:

– Поздравляю... Вы его, часом, не слишком...

– Жить будет, – сказал Мазур, присев на корточки над лежавшим ничком господином Лао. – А через пару минут вообще очнется... Во-от заворочался, – констатировал он почти что с отеческой нежностью. – Куда прикажете доставить?

Господин Герберт какое-то время размышлял, поигрывая извлеченными из кармана пластиковыми наручниками.

– Давайте-ка переправим его куда-нибудь вниз, – сказал он наконец, с большой сноровкой вывернув заворочавшемуся еще активнее Лао белые ручки за спину и защелкнув браслеты на запястьях. – Мы все тут люди взрослые, циничные, знаем, что бывают... коллизии. Зачем поганить рубку нашему гостеприимному капитану?

– Тогда проще всего – на палубе работать, – хмыкнул Мазур. – Можно за ноги за борт вывесить...

– А это, в самом деле, идея, – оживился господин Герберт. – Там, правда, чуточку разгулялась погода...

– Разгулялась? – фыркнул капитан, добросовестно державшийся в стороне. – Помяните мое слово, нас еще накроет тайфуном...

– Ну, это уже *ваша* компетенция... – сказал Герберт с беззаботностью, мгновенно выдавшей в нем классического сухопутного жителя. – Пойдемте на палубу. За ноги над бортом – это уже садизм, но в то же время на палубе, я вижу, насквозь рабочая обстановка, способная оказать должное психологическое воздействие на клиента, а это все же подспорье...

В самом деле, палубу старательно и молча *убирали* – то есть, называя вещи своими именами, без особых церемоний и каких бы то ни было погребальных молитв отправляли за борт покойников, принимая нехитрые, знакомые любому профессионалу меры, чтобы жмурики не всплыли...

– Нет-нет, вы тоже пожалуйста с нами, – решительно сказал Мазуру господин Герберт. – Во-первых, вам полезна практика, а во-вторых, он вас помнит по роли жалкого торговца секретами, тут же завербованного в штатные стукачи, тем сильнее будет контраст...

Мазур вынужден был признать про себя, что в этом есть своя сермяжная правда. Они с Морским Змеем подхватили начавшего оживать Лао с двух сторон и потащили на палубу, отыскивали укромное местечко возле шлюпбалки.

– Ну, не валяйте дурака, дружище, – почти весело сказал господин Герберт, дружески наступив начищенным полуботинком на кончики пальцев Лао, лежавшего на палубе в позе эмбриона со старательно смеженными веками. – Мы мальчики большие, многое повидали, умеем определить, когда человек нахально притворяется... Вот так, совсем хорошо, давайте я вам сесть помогу... – Он рывком приподнял пирата и усадил спиной к планширу. – Хотите сигаретку?

Лао, растрепанный и помятый, неторопливо обвел взглядом всех троих. Его физиономия по-прежнему оставалась застывшей маской, но глаза передавали немыслимый накал эмоций, сводившихся, надо полагать, к нехитрым формулировкам вроде: попадись вы мне в руки...

– Ах, и вы здесь, господин Хансен, – сказал он почти нормальным голосом. – Ну да, естественно... Позволено ли мне будет упомянуть о неизбежности присутствия при допросе адвоката? Без коего все ваши упражнения – равно как и неосторожно вырвавшиеся у меня слова – не будут иметь никакой юридической силы...

– Клиент пребывает в печальных заблуждениях, господа, – сказал Герберт все так же весело.

– Определенно, – кивнул Морской Змей.

– У меня такое впечатление, что он принимает нас за вульгарных полицейских из какой-нибудь близлежащей деревушки, – внес свою лепту и Мазур. – Боже, какие пошлости...

– Совершенно точное определение, – сказал Герберт.

Х-хак! Его идеально вычищенный полуботинок, мелькнув в воздухе с похвальной быстротой, чувствительно угодил Лао по ключице. Мазур оценил удар – для жизни не смертельно, но боль причиняет адскую. Лао невольно отпрянул, стукнувшись затылком о планшир.

Мгновенно опустившись перед ним на корточки, Герберт сгреб китайца за ворот рубашки и процедил с расстановочкой:

– Я сейчас внесу ясность, корсар засранный... Чтобы не путал серьезных людей с местными полицейскими макаками... Если мне не изменяет память, в прошлом году, в связи с совершенно другим делом, вам, любезный господин Лао, уже рассказывал один опытный человек, что есть на земном шаре такая контора, с незамысловатым названием кей-джи-би, и подробно обрисовал нерадостные перспективы, которые ждут всякого, кто по своей провинциальной тупости вздумает относиться к этой конторе без уважения, не говоря уж о том, чтобы с ней долбаться... К сожалению, должен констатировать, что вы показали себя как раз дремучим провинциалом. Иначе не валялись бы тут, как отловленный деревенскими детишками мангуст...

Их раскачивало все сильнее – классическая и килевая качка, осложнявшаяся порой столь же классической бортовой. Проще говоря, корабль так и швыряло. Мазур бросил на море беглый взгляд. Дела завораживались нешуточные: тучи затянули добрую половину небосклона, темно-зеленая вода тяжело вздымалась длинными волнами, осыпая палубу облаками невесомой влажной пыли...

Мимо них – не по случайности, а по знаку Морского Змея – пронесли буквально в двух шагах очередного жмурика, уже подготовленного к плаванию вертикально вниз, без всяких дурацких всплываний.

– Неаппетитное зрелище, правда? – спросил Мазур, побуждаемый к светской беседе тычком командира. – У нас нет времени вести с вами душещипательные беседы, проникнутые психологизмом и насыщенные коварными ловушками, поймите главное: вы – единственное, что осталось от вашей флотилии. И если вы сейчас полетите за борт с перерезанными поджилками, для нас не изменится ровным счетом ничего, а вот для вас переменится все... Начиная с общественного статуса и кончая жизнью.

– Ма работал на вас? – спросил Лао почти нормальным тоном.

Мазур пожал плечами:

– А что, это изменит ваше положение? Да ничуть. Танцуйте от главного: мы и в самом деле не имеем никакого отношения к любой из окрестных полиций. Мы издавна... Несколько дней назад вы с Ма, идилически проплывая возле некоего островка, прикармливали по воровской привычке некую вещь, которую нам необходимо получить назад...

– Уточняю, – быстро вмешался Герберт. – Больше всего это напоминает бак с закругленными краями, примерно в половину человеческого роста высотой. – Для наглядности он черкнул ребром ладони по собственному животу повыше пупка. – На нем есть надписи... ладно, вы все равно, ругаться можно, никогда не видели надписей на русском языке, поэтому скажу просто: непонятные надписи. Наверняка этот бак был прицеплен к очень большим парашютам, вообще-то их три, но бак мог оторваться... По крайней мере, Ма по моему описанию узнал эту штуку почти сразу. И уверяет, что ее забрали на свой катер именно вы – на правах старшего. Где она?

У Мазура осталось стойкое убеждение, что многочисленные бисеринки влаги на лице Герберта были не водяной пылью, щедро летевшей с моря, а обильным потом. Ну, ничего удивительного – у него есть свое начальство, свои верхи, вся его дальнейшая карьера наверняка зависит от того, удастся ли отыскать дорогую пропажу...

– Вы уже никто, – сказал Герберт жестяным голосом робота. – Вас нет. Вы живы, пока этого хотим мы. Мой друг прав: бессмысленно играть в психологию и строить коварные ловушки, замаскированные среди безобидных словес... Где капсула? Я тебя изрежу на красивые ленточки собственными руками... Ты у меня будешь, как праздничный фонарик – одни прорези и красивые фестончики... Будешь говорить, сволочь, или охолостить тебя для начала? Срал я на восточную психологию и философские тонкости, ты не Конфуций, тварь такая, да и я тоже... Будешь говорить?

К своему несказанному удивлению, Мазур понял, что странная гримаса на физиономии Лао – это нечеловеческое изумление, и никак иначе...

Ф-ф-ф-шшш-уууххх! Он оглох и ослеп на миг, яростно отплюнулся – это высоченная волна неожиданно обрушилась на палубу, промочила людей до нитки и уползла через подветренные шпигаты.

На Лао это не произвело ни малейшего впечатления – он все так же таращился на них в величайшем изумлении, победившем обычную бесстрастность.

– Вы серьезно? – спросил он громко, перекрывая шум ветра. – Нет, вы серьезно? Вы и в самом деле затеяли все это ради той бочки?

И на его лице заиграла откровенная, многозначительная улыбочка. Все трое обменялись быстрыми взглядами. Ситуация становилась предельно ясной: чертов пират, для которого находка, по всему видно, не представляла никакой ценности, сообразил вдруг, что для этих большеносых³ дело обстоит как раз наоборот...

– Боюсь, господа, нам все же придется вернуться и к психологии, и к словесным поединкам, – сказал Лао, глядя исподлобья все с той же улыбочкой. – Боль мне не по нутру, как любому человеку, но не кажется ли вам, что вы можете невзначай переусердствовать, и я умру раньше, прежде чем развяжу язык?

– Клиент хочет жить, – хмуро сказал Морской Змей. – И весьма.

– А вы разве нет? – молниеносно отпарировал Лао. – Судя по тому, что эта скотина Ма живехоньким разгуливал по Катан-Пандангу, вы с ним сумели как-то достичь приемлемой для обеих сторон договоренности. Я правильно понял?

– Правильно, – сказал Герберт. – Готовы к торгу?

– Почему бы и не попробовать? Нельзя ли перенести нашу... беседу в более комфортные условия? Здесь становится неуютно, говорю вам, как человек, всю жизнь ходивший по здешним морям...

– Извольте. – Герберт почти бережно поднял его, поставил на ноги и цепко подхватил под локоток. – Кое-какой комфорт можно обеспечить. – Он обернулся к Мазуру с Морским Змеем. – Вы свободны, господа, я, пожалуй, справлюсь сам...

И оба двинулись к надстройкам чуть ли не в обнимку. Мазур хмуро посмотрел им вслед, пожал плечами:

– Ну да, теперь он сам справится...

– Работа наша такая, – бесстрастно отозвался Морской Змей, расставив ноги пошире. – Мы ловим, они сливки снимают... Тайфун, а?

– Пожалуй, – признал Мазур. – Сейчас накатит, того и гляди...

Рядом затрещало, ожили динамики бортовой трансляции:

– Внимание! Вахте на палубу! Шлюпки перевернуть, штормовые найтовы наложить!

«Серьезные дела, – оценил Мазур. – Коли уж начали крепить...»

Палуба ушла из-под ног, а в следующий миг вздыбилась, подбросила его, казалось, выше клотика, и он увидел в штормовом море туземную лодочку под серым парусом, лихо накренившуюся меж двумя водяными стенами, а вдали, гораздо дальше, – верхушки пальм... Что за черт?!

Верхушки *плыли*. Плыли по воздуху, как диковинные аэростаты, сорванные налетевшим ураганом и гонимые в сторону «Нептуна». «Ну, коли уж на деревьях кроны рвет... Мать твою, оно ж сейчас и на нас накатит!»

Морской Змей издал сдавленный рык. Мазур тоже увидел – как Лао, воспользовавшись моментом, очередным *провалом* корабля в самые, казалось, бездны, ударом ноги опрокинул Герберта и, как был, со скованными руками, пригибаясь под ветром, кинулся к борту, неожиданно напомнив, что восточная психология все же существует на белом свете...

– Держи его, суку!

Мазур кинулся наперехват по вздыбившейся палубе, отчаянными рывками сохраняя равновесие...

Палуба ушла из-под ног, что-то твердое, почти как железо, ударило сбоку, сбило, поволокло, швырнуло... И не было больше опоры ни для ног, ни для рук, Мазура взметнуло вверх, обрушило вниз, накрыло с головой...

Задышавшись, он инстинктивным рывком метнулся в нужном направлении – должно быть, осознал звериным чутьем, что именно там светлее всего, а значит...

³ Большеносыми в Китае называют европейцев.

И оказался на поверхности, жадно глотнул воздуха, словно кусок зубами отхватил от чего-то густого, почти твердого. Замолотил руками по воде. Его качало на великанских качелях с невообразимой амплитудой, голова то и дело оказывалась под водой, но первый шок прошел, и Мазур стал трезво бороться за жизнь – посреди тяжелого рокота и воя ветра, посреди колышущихся водяных гор, то и дело швырявших в лицо невообразимую смесь соленой влаги с жестким, как шерсть, воздухом...

Двумя сильными гребками перевернулся на спину, сорвал туфли, отчаянно выгибаясь, избежал от парусиновых брюк и рубашки. Вокруг грохотало и выло, но это была еще не смерть...

Прямо над ним, казалось, пролетела взьерошенная верхушка пальмы – шизофреническая бабочка юрского периода. Выплывая соленую горечь, воспользовавшись тем, что оказался на гребне волны, Мазур свечкой взлетел над водой насколько мог высоко.

И не увидел корабля в обозримой близости. Зато в зверином обострении воли к жизни разглядел, откуда летят сорванные тайфуном вершины пальм. В той стороне была земля, а значит – дохленький шанс на спасение. Это было реальнее, чем высматривать в волнах корабль, находившийся сейчас не в лучшем положении. Все равно они не смогут спустить шлюпку при таком волнении... да какое там волнение, это...

В следующий миг он перестал думать. Совершенно. Не было ни сил, ни времени оставаться разумным существом. Неразумно сейчас оставаться разумным...

Все силы, вся жажда жизни были брошены на то, чтобы не просто держаться на воде – двигаться в том направлении, где он предполагал землю. Продолжай он думать и рассуждать, непременно в какой-то миг стал бы прикидывать, что земли там может и не оказаться, что направление он выбрал неправильное и удаляется от спасительной суши, вместо того чтобы рваться к ней. Думать было еще и страшно, а потому инстинкты отключили мозг.

Крохотное существо барахталось посреди вселенского катаклизма, посреди тяжело колыхавшихся водяных гор и облаков невесомой, влажной пыли. Сознание туманилось, редкие глотки воздуха обжигали легкие, перед глазами вспыхивали и кружили непонятные огненные фигуры – но он боролся, проламываясь сквозь стены воды, невероятно медленно, как в кошмаре, когда хочешь стремглав убежать от жуткой опасности, но двигаешься невероятно медленно...

Его тошнило все сильнее, тело окоченело, начиная с кончиков пальцев, колющий холодок протягивался к позвоночнику, и некая часть сознания еще могла этому вяло удивиться – как же так, дело-то происходило в жарких морях, при обжигавшем зноем ноябрьском солнце...

Он уже не помнил, кто он такой, не смог бы думать, даже если бы захотел, мир состоял из соленой горечи и пронизывающего холода, и больше не было суши, все континенты потонули в одночасье, мир, как в невообразимо давние времена, состоял из бескрайнего океана, прямо перед глазами вынырнула оскаленная морда динозавра и гулко, раскатисто захохотала, поодаль маячил скелет...

Самое скверное, что крохотное существо теряло сознание, так и не в состоянии понять – в самом деле тело вытянулось на чем-то твердом или это не более чем предсмертный бред...

Глава пятая

Синьор Робинзон и семь пятниц на неделе

Когда он разлепил веки, тяжело-тяжело, что твой Вий, прошло не так уж мало времени, прежде чем удалось привести в порядок мысли и чувства, – все еще не покидало мерзкое ощущение, будто ему взбалтывают мозги огромной холоднющей ложкой.

Он откашлялся, брызгая слюной на грудь, – омерзительный горько-соленый привкус во рту остался, но уже не заставлял кишки, слипшиеся в плотный ком, пытаться покинуть утробу через глотку. В общем, бывало и похуже...

Приподнявшись на локтях, Мазур тем самым тут же вызвал взрыв воплей на незнакомом языке – пожалуй что, в них не было ничего враждебного, один веселый азарт.

Ни следа серых туч – небо вновь сияло чистой голубизной, и светило жаркое ноябрьское солнце, и сверкало море. Он лежал совершенно голый в тени убогонькой хижины, хлипкого сооружения, сквозь стенки коего можно было прекрасно рассмотреть внутренний интерьер, заключающийся лишь в циновках и каком-то баке из оцинкованного железа. Хижина – и десяток других – располагалась на пологом возвышении метрах в пятистах от морского берега, в такой котловине меж двух отлого сходящихся склонов. Пальмы, прозаически росшие там и сям десятками, выглядели ничуть не пострадавшими от промчавшегося тайфуна – должно быть, место было выбрано с большим знанием местной географии, склоны защищали от порывов ветра.

У берега покачивалось с полдюжины одномачтовых лодок со спущенными парусами, а неподалеку, на бережку, великанскими рыбьими скелетами уныло гнили останки пары-тройки таких же немудрящих суденышек, видимо, отслуживших свое и списанных без бумажной возни. Ну, так... Извольте ли видеть, порт и населенный пункт...

Сделав над собой некоторое усилие, Мазур приподнялся, сел, привалившись спиной к хлипкой стене хижины. Оглядел аборигенов, в количестве этак дюжины, в свою очередь, жадно его рассматривавших с видом провинциалов, совершенно не избалованных зрелищами, а так же приезжими.

На первый взгляд, народец был простой и незамысловатый, как и следовало ожидать, – Азия-с, глушь несусветная... Холщовые рубахи, майки, некоторые в потрепанных шортах, но большинство облачены в разноцветные куски материи, обернутые вокруг тела самыми разными способами, и у каждого на голове – черная бархатная шапочка.

Пора было сконцентрироваться. Мазур старательно припомнил все, чему его учили, – антропологический тип, одежда...

Нельзя сказать, что он был на седьмом небе от счастья. Эти лица, эти *саронги*, шапочки... Мусульмане. Индонезийские мусульмане. Которая-то из многочисленных индонезийских народностей, который-то из тысяч индонезийских островов. Таковы уж здешние места: шаг вправо – Малайзия, шаг влево – Индонезия, шаг назад – еще что-нибудь не менее экзотическое...

Скверновато. К первому в мире государству рабочих и крестьян в этой стране относятся без всякого радушия – учитывая события двадцатилетней давности, резню местных коммунистов, форменную гражданскую войну... Впрочем, это касается более цивилизованных районов Индонезии. Эти простодушные пейзане, надо полагать, не знают разницы меж Советским Союзом и княжеством Монако, потому что представления не имеют, поспорить можно, ни о том, ни о другом.

Его разглядывали с простодушным любопытством, толкая друг друга локтями, пересмеиваясь и громко обмениваясь непонятными мнениями. В конце концов вперед выскочил шустрый худощавый мужичонка, присел рядом с Мазуром, извлек из складок саронга ржа-

вую тупую вилку с потемневшей деревянной рукояткой, легонько ткнул ею Мазура в ляжку, устрашающе оскалился и облизнулся с видом заправского каннибала. Грозно вращая глазами и поглаживая себя по животу, всеми средствами пантомимы пытался дать понять неожиданному гостю, что его собираются незамедлительно использовать в гастрономических целях. Судя по его мимике и одобрительному ржанию односельчан, этот субъект был чем-то вроде общепризнанного местного шута.

Мазур стоически перенес эту демонстрацию гастрономических поползновений. Слишком хорошо помнил, что в Индонезии людоедов нет. Южнее, ближе к Австралии, на Новой Гвинее и прилегающих архипелагах, в тех самых красочно описанных Джеком Лондоном местах, каннибалы попадаются даже сегодня. Но только не здесь.

Подумав, он решился. С помощью нехитрых жестов попытался донести до деревенского потешника столь же нехитрую мысль: эк тебя раскатило, людоед хренов, а не хочешь вместо лангета из белого пришельца пососать его мужское достоинство?

Смысл пантомимы моментально дошел до собравшихся, и они все с той же первобытной непосредственностью заржали уже над незадачливым шутком, раскачиваясь, молотя друг друга по спинам, фыркая. Ближайший, правильно истолковав жест Мазура, протянул ему зажженную сигарету. В общем, народ был вроде бы не вредный. Жадно затягиваясь паршивой сигареткой, Мазур задумался над животрепещущим насущным вопросом: ну, а дальше-то что? Какие планы строить? Как отсюда выбираться? Нет, нужно подождать дальнейшего развития событий, должно же даже в этой глуши быть какое-то начальство или нечто аналогичное. Судя по всему, это не мимолежный приют рыбаков, а настоящая деревня, оседлость, населенный пункт – вон женщина вдали прошла, детишки бегут, буйволы валяются в теничке...

– По-английски кто-нибудь понимает? – спросил он громко.

Добрые пейзажи стали переглядываться, ожесточенно треща на своем родном наречии, – но ответа Мазур не дождался, что-то не наблюдалось среди них полиглотов и лингвистов...

Ага! Настроение собравшихся вдруг изменилось – они притихли, малость съежились. Ну да, понятно – в их сторону направлялись двое субъектов, резко отличавшихся от жилистых островитян, несомненно принадлежавших к местному пролетариату.

Один был безусловный китаец, пожилой, упитанный и золотозубый, в чистой полосатой пижаме. Второй внешностью ничем не отличался от собравшихся, но был опять-таки поупитаннее, гораздо старше, держался с неким спокойным превосходством, саронг на нем был безукоризненно чистым, из разноцветной ткани. «Вот оно, местное руководство, – подумал Мазур настороженно. – Прямо-таки первый секретарь, право слово, номенклатура везде одинакова...»

И остался сидеть в прежней позе – не честь же отдавать, прикладывая руку к пустой голове?

Сидевшие проворно подвинулись, освобождая пожилому место на толстом поваленном стволе, отшлифованном ветром и временем. Тот величаво уселся, не глядя, взял из чьих-то пальцев почтительно протянутую сигарету и принялся разглядывать Мазура – опять-таки без враждебности и недоброжелательства, скорее уж с видом рачительного хозяина, прикидывающего, какое применение можно будет найти неожиданной находке и выйдет ли от нее польза. «Ну, ничего, – подумал Мазур. – Главное, не сожрут. И не видать поблизости ни пиратов, ни шпионов. Выкарабкаемся...»

– Как тебя зовут, белый? – спросил пожилой по-английски.

Собственно говоря, звучало это совершенно иначе. «Какое имя тебе принадлежать, белый-парень-человек?» Примерно так. Это и был знаменитый пиджин-инглиш, примитивный вариант английского, очень распространенный в здешних местах, где процветали

десятки, если не сотни разнообразнейших языков и наречий, и на пиджине, Мазур помнил, даже издавалось несколько газет в разных странах.

Подумав, он ответил, стараясь изъясняться попроще:

– Меня смыло с корабля. Меня зовут... Джим Хокинс.

Вряд ли хоть кто-то из присутствовавших здесь туземцев читал бессмертный роман Стивенсона или вообще умел читать. Китаец разве что, хотя кто его знает... Китаец – это легонькая заноза. Тот самый мазок, что портит картину. Их здесь тысячи, на тысячах островов, таких вот китайцев, хуацяо, как их еще называют, торговец, ростовщик, коммивояжер и бог знает кто еще в одном лице – и любой из них, памятуя инструктаж, может работать на пекинскую разведку, а если не на пекинскую, то на тайваньскую непременно... Ладно, авось обойдется, в чем можно заподозрить морячка, случайно смытого волной с проходящего судна?

– Ты плыл на корабле, Джимхокинс? – невозмутимо осведомился пожилой.

– Ну да, – сказал Мазур. – Когда начался шторм, меня смыло за борт. Еле выплыл.

– Ты хорошо плыл, – одобрительно кивнул пожилой. – Даже сам на берег почти выполз.

Я смотрю, ты сильный парень...

Мазур чуточку обеспокоился – нет, вроде бы ни один из инструкторов не упоминал о привычке местных обращать в рабство таких вот случайных путников.

– Меня зовут Абдаллах, – сообщил пожилой.

– Ты здесь вождь? – поинтересовался Мазур.

– Вожди бывают только у дикарей, – с достоинством ответил старина Абдаллах. Если он и был обижен, то не показал этого. – У нас культурная страна. Цивилизованная. Я – староста острова. Всего острова, – значительно добавил он, подняв палец. – Какая твоя вера?

Помедлив, Мазур признался:

– Да знаешь ли, никакой.

– Это плохо – совсем без веры, – сказал Абдаллах с непроницаемым видом. – Мы – мусульмане. Ты уважаешь мусульманскую веру?

– Уважаю, – сказал Мазур, решив, что с него не убудет. – Пророк Мохаммед, да святится имя его, был почтенным человеком.

На пиджине это, конечно, звучало не столь красиво и гладко. Скорее уж так: «Этот парень-человек, имя которому быть Мохаммед, имя ему принадлежать-быть святое, был очень крепко уважаемый...»

Однако господину старосте вполне этого хватило. Он расплылся в дружелюбной улыбке, спросил:

– Может быть, ты знаешь, и как молиться?

– Нет, к сожалению, – быстро ответил Мазур.

«Уж столько-то я о вас, мусульманах, знаю, – подумал он трезво. – Брякнешь «Ля илля иль Алла, Мохаммед расуль Алла» – и ты уже мусульманин, поскольку при свидетелях прозвучало. А где мусульманство, там и обрезание... Не дождетесь!»

– Хорошо, Джимхокинс, – кивнул староста. – Ты вроде бы неплохой человек. Значит, моряк?

– Ага, – сказал Мазур.

– Пойдем ко мне в дом, – неожиданно предложил староста, вставая. – Поговорим, как приличные люди.

– А это ничего, что я... – сказал Мазур, обеими руками указав на свою откровенную наготу.

Староста что-то громко приказал – и ближайший туземец, шустро сдернув с плеч саронг, протянул его Мазуру. Встав и немного подумав, Мазур обернул синюю ткань вокруг бедер на манер юбки – и по здешним меркам был отныне одет вполне прилично. Абдаллах с

непререкаемым видом произнес несколько фраз и двинулся вперед. Все остальные остались на месте, хотя по лицам было видно, как им хочется и дальше общаться с заезжим странником.

Они бок о бок шагали по деревне. Любопытно таращились голые детишки, побрехивали тощие собаки.

По шаткой бамбуковой лестнице поднялись в хижину на сваях – столь же хлипкую на взгляд привыкшего к рубленным избам русского человека, но отличавшуюся от остальных известной добротностью. Пожалуй, именно так и должно выглядеть жилище здешнего первого секретаря – крыша без единой прорехи, крепко сколоченный бамбуковый пол, вместо циновок – яркие хлопчатобумажные коврики, начищенная керосиновая лампа в углу, старенький японский транзистор, алюминиевая посуда на низком ящике в углу.

«Ох ты! – восхищенно подумал Мазур, откровенно разглядывая возившуюся у ностальгического примуса девушку. – Есть женщины в здешних селеньях...»

Она была чертовски симпатичная и ничуть не напоминала женщину первобытного племени – в синем саронге и белой блузке с квадратным вырезом, позволявшим не так уж мало разглядеть, с пышными, ухоженными черными волосами, спускавшимися ниже пояса. Зубки, улыбка, ресницы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.